

Евгений Горохов

Хроники кровавого века

Замятня

Евгений Петрович Горохов
Хроника кровавого
века: Замятня
Серия «Хроники
кровавого века», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49280821
SelfPub; 2019*

Аннотация

История семьи уральских казаков Балакиревых на фоне кровавых событий начала XX века: русско-японская война, Кровавое воскресенье и убийства боевиками-эсерами царских чиновников.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Январь – февраль 1903 года.	7
Глава 2	23
Март – май 1903 года.	24
Глава 3	41
Апрель – май 1903 года.	42
Глава 4	61
Май 1903 года.	62
Май – июль 1903 года.	93
Глава 6	119
Август 1903 года.	120
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Предисловие

Термин «Великая замятня», встречается в русских летописях, повествующих о Золотой Орде. В XIV веке хан Бердибек, чтобы избавиться от конкурентов, перебил всех царевичей – чингизидов, тех, в ком текла кровь великого Чингисхана. В 1359 году умирает сам Бердибек, и в Золотой Орде начинаются двадцатилетние междоусобные войны.

Поход хана Батыея в 1237 – 1240 годах на Русь, совпал с захватом крестоносцами Константинополя¹ – столицы Византийской империи, а она на Руси считалась «царством». Императора Византии русские именовали царём, а столицу Византийской империи звали Царьград.

На Руси титул царя имел сакральное значение, в летописях того времени прослеживается перенос этого титула на правителей Золотой Орды. После падения Константинополя, Золотая Орда заполнила вакуум в мировоззрении русских. До второй половины XIV века верховенство Золотой Орды руссами не оспаривалось, и титул царя был сакрален.

В Золотой Орде всё изменилось в годы Замятни, когда цари стали марионетками хана Мамаея. При этом он сам не принадлежал к царскому роду чингизидов. Нарушилось ми-

¹ Константинополь – современный город Стамбул в Турции.

ровоззрение в Золотой Орде и на Руси, верховная власть потеряла сакральный смысл и авторитет. По этой причине, могучая Золотая Орда быстро развалилась.

Что касается XX века, то после событий «Кровавого воскресенья» 9 января 1905² года в Петербурге, фигура царя Николая II для русского человека, также перестала быть сакральной. Верховная власть утратила свою «божественную сущность», а император потерял авторитет у своих подданных. В головах жителей Российской империи наступила Замятня.

Сейчас принято обвинять большевиков в крушении Российской империи. Но могла ли кучка людей, пусть даже очень организованных, развалить сильную империю?!

Проблемы России копились веками, и так сложилось, что к переломному моменту, страна подошла под управлением Николая II. Человек он может быть и неплохой, но как лидер государства Николай II был ничтожен, а это в критические для страны моменты, губельно. Трагедия Николая II и его семьи в том, что в суровое для России время, он оказался не на своём месте. Когда скверный сапожник тачает сапоги, ноги в кровь истирает его клиент, если в лихую годину плох правитель страны, то кровью умываются все граждане этого государства.

² Здесь и далее, все даты указываются в старом стиле.

Глава 1

« В 1902 – 1903 году для подавления крестьянских волнений и выступления рабочих, только в Полтавской и Харьковских губерниях, было использовано 200 тысяч регулярных войск, то есть 1/5 всей русской армии».

Из Всеподданнейшего доклада императору Николаю II, военным министром генерал – адъютантом Куропаткиным А.И.

Январь – февраль 1903 года.

Весь январь и первую неделю февраля светский Петербург обсуждал предстоящий костюмированный бал в Зимнем дворце. Княгиня Наталья Фёдоровна Кармова дни напролёт советовалась с подругами, какой кокошник³ она наденет на этот бал.

Бал давался в честь 290-летия дома Романовых. Все гости должны быть одеты в костюмы XVII века, так называемых «допетровских» времён. Они шились по дизайну художника Сергея Солошко. Из сундуков доставались фамильные драгоценности, тратились сотни тысяч рублей на меха куниц и соболей.

Сам бал состоял из двух частей: вечером 11 февраля гости собирались в Романовской галерее Эрмитажа. Шествуя попарно, они приветствовали царскую семью. Затем все направлялись в Эрмитажный театр, где пели Фёдор Шаляпин⁴ и Мария Фигнер⁵, танцевал балет с участием Анны Павловой⁶. Затем праздничный ужин: в Итальянском, Испанском

³ Кокошник – головной убор, в женском, русском, народном costume.

⁴ Фёдор Шаляпин – (1873-1938) русский оперный, камерный певец (бас).

⁵ Мария Фигнер – урождённая Амадея Май Дзоваиде (1859 – 1952), оперная певица.

⁶ Анна Павлова – (1881 – 1931) русская артистка балета, прима – балерина

или Фламандском залах Эрмитажа, а после, танцы до трёх часов утра. Вторая часть бала должна состояться 13 февраля, там все участники облачаются в костюмы эпохи царя Алексея Михайловича⁷.

Бал должен начаться в семь часов вечера, а пока одиннадцать дня, и Николай II принимал в своём старом кабинете доклад министра финансов Сергея Юльевича Витте. Уже полгода прошло, как в Зимнем дворце государю был оборудован Большой парадный кабинет для аудиенций, но царь не любил его. Гораздо милее ему был старый кабинет, с окнами, выходящими в садик Зимнего дворца. В глубине кабинета стоит огромная оттоманка, на которой император любил отдыхать в послеобеденные часы.

Во время приёма Николай II стоял за Г-образным столом, на котором были раскиданы фотографии, (он и его дочери увлекались фотографированием). Государь принимал министра Витте, стоя, и тем самым, оказывал ему знак уважения, ибо подданный, не мог сидеть в присутствии императора. Сергей Юльевич Витте, перед царём стоял по стойке «смирно».

Николай II принимал министра финансов в присутствии великого князя Сергея Александровича, своего дяди и московского генерал – губернатора. Он приехал в Петербург по

Мариинского театра.

⁷ Царь Алексей Михайлович «Тишайший» (1629 – 1676) – второй русский царь из династии Романовых. Правил с 1645 по 1676 годы. Отец императора Петра I.

случаю костюмированного бала. Сергей Александрович стоял у окна, а Витте докладывал:

– По данным инспекции труда, особенно плохи суконные фабрики, где «мокрые» отделения, в основном промозглые подвалы. Полураздетые рабочие, ходят из них в сушильную, где температура под сорок градусов. От этого, они страдают ревматизмом суставов, – при этих словах император поморщился. Витте откашлялся и продолжил: – Желудочные, скоропреходящие боли, кои у врачей именуются гастритом, наблюдаются у всех табачных рабочих. Также все они больны отдышкой.

– Министр финансов, как завзятый лекарь, толкует о врачебных проблемах, – с усмешкой заметил великий князь Сергей Александрович.

Витте проигнорировал эту фразу и продолжил:

– На перчаточной фабрике Петрова в Москве, пахнет не лучше чем в общественных, и при том никогда не дезинфицируемых писсуарах. Это от того, что кожи вымачивают в открытых чанах, наполненных полусгнившей мочой, которую доставляют сами рабочие, для чего в помещении стоят специальные чаны. В этих же зловонных мастерских люди спят и едят.

– Сергей Юльевич, – недовольно поморщился император, – неужели, необходимо рассказывать мне о таких вещах перед обедом, и портить аппетит?!

– Ваше величество, я лишь хочу довести до вашего све-

дения причины, по которым среди рабочих зреет неудовольствие. Также беспокойно крестьянство, – Витте убрал листы с докладом в папку.

– Бунты легко подавляются казачьими нагайками, – заметил Сергей Александрович. – Вильненский губернатор фон Вааль, в прошлом году одними розгами усмирил волнения.

– Ваше высочество, таким образом можно усмирить бунт в одном месте, но он тотчас же вспыхнет в другом, – Витте посмотрел на великого князя, – экономические проблемы государства невозможно лишить одними розгами. У нас очень низкий спрос на товары, у большинства населения нет денег, вследствие их низкого дохода. Однако мы и производим у себя мало. Заграничные банки перестали давать нам кредиты из-за своих внутренних неурядиц. Основной доход нашей империи, продажа зерна, – Витте опять открыл свою папку. Он нашёл нужный лист, и продолжил: – В прошлом году, выручка от продажи хлеба за границу составила сто тридцать миллионов рублей. Из них только пятьдесят восемь миллионов рублей, ушло на закупку необходимых для заводов и фабрик станков и машин. Нам не хватает денег на реконструкции фабрик и заводов, однако сто восемьдесят миллионов рублей из тех средств, было потрачено на увеселения и нынешний бал в частности.

– Сергей Юльевич, вы говорите о нехватке денег в государстве, а между тем в Маньчжурии лежат огромные богатства. Надо брать их, – Николай II взял в руки личную печать,

отлитую из серебра в виде шапки Мономаха. Он повертел её в руках, и продолжил: – Безобразов представил меморандум на рассмотрение. Он обещает большие выгоды в Маньчжурии.

– Ваше величество, экономическая экспансия в Маньчжурью вызовет неудовольствие со стороны Японии. А это война!

– Нам ли, Великой империи, бояться войны с какими-то азиатами?! – воскликнул Сергей Александрович.

– Война приведёт к тяжёлым последствиям в стране, – вздохнул Витте, – к тому же и военный министр Куропаткин, против войны с Японией. Он считает, что на Дальнем Востоке, мы пока к ней не готовы.

– Военный министр против войны! – покачал головой великий князь.

– Благодарю вас Сергей Юльевич, за содержательный доклад. Мы примем всё к сведению, вы свободны.

Витте, поклонившись, вышел. Николай II как всякий недалёкий человек, недолюбливал тех, чей ум превосходил его собственный. Тут ещё матушка императрица Мария Фёдоровна, постоянно увещевала его слушаться Витте. Это обстоятельство так же не прибавляло любви императора к министру финансов. Сам Витте, несмотря на споры с государем, оставался его ярым сторонником. Только в Самодержавии видел он опору России, а носителем духа Самодержавия являлся Николай II.

– Ваше императорское Величество, я не согласен с доводами Витте, – вывел государя из размышлений великий князь, – и считаю, что маленькая победоносная война с Японией скрепит наше общество. Со мной полностью согласен министр внутренних дел Плеве. Однако Ваше величество разрешите откланяться.

После ухода дяди, император развалился на оттоманке и закурил. Три года назад, при назначении министра МВД, Николай II, посоветовался с опытным царедворцем своего отца Победоносцевым⁸.

«Константин Петрович, кого вы посоветуете мне на должность министра внутренних дел: Плеве или Сипягина?» – спросил он.

«Что вам посоветовать Ваше величество, – пожал плечами Победоносцев, – Сяпягин – дурак, Плеве – подлец».

Другие кандидатуры Николай II рассматривать не стал, и назначил дурака на должность министра внутренних дел. После того как в апреле 1902 года Сипягина застрелил бомбист Балмашев, пришла очередь подлеца Плеве становиться министром МВД.

Лёжа на оттоманке, Николай II думал о том, что Витте может говорить что угодно, но он как император уверен в незыблемости завещанного ему порядка вещей, следова-

⁸ Победоносцев Константин Петрович – 1827 – 1907 гг. Русский правовед. Обер-прокурор Святейшего синода, высшего органа церковно – государственно-го управления Русской православной церкви.

тельно, Российской империи не страшны ни внутренние, ни внешние враги.

Пока Николай II размышлял о самодержавии, карета великого князя Сергея Александровича ехала по набережной Фонтанки, где в доме № 57 находилось министерство внутренних дел. Набережная Фонтанки от Семёновского до Цепного моста в качестве эксперимента была заасфальтирована⁹. Центральные улицы: Невский проспект, Фонтанка, Морская, Гоголя, Миллионная и Английская набережная, были вымощены торцевым покрытием.¹⁰ Оно очень удобное, пока новое. Потом, из-за дождей покрытие вздувалось, плитки вылетали, и мостовая, вымощенная торцевым покрытием, становилась не лучше булыжной мостовой. По этой причине, на центральных улицах города, постоянно шёл ремонт торцевого покрытия. Весь остальной город был вымощен булыжником.

Зимой дворники сгребали снег с тротуаров, разбрасывая его на проезжую часть, поэтому полозья карет и саней скользили легко и плавно. Днём на Фонтанке было полно народу. Сновали туда – сюда стайки гимназистов, в серых шинелях, с ранцами за плечами. Степенно шествовали чиновники в

⁹ Асфальтовое покрытие там было уложено в 1870 году. В то время, это было самое передовое дорожное покрытие, однако оно сохранялось не более двух лет, а асфальта в России, в конце XIX и начале XX века, производилось крайне мало. Поэтому, в Петербурге от асфальтового покрытия отказались.

¹⁰ Торцевое покрытие – на бетонное основание выкладывали наподобие паркета, пятигранные деревянные плиты, покрытые смолой и скреплённые шипами.

тёмно – зелёных шинелях, прогуливались военные, в основном гвардейские офицеры, служба у которых была необременительной. Женщин в это время на улицах было ещё мало, в основном служанки, спешащие в магазин за покупками для хозяев, либо бегущие по поручению хозяек. Сергей Александрович, наблюдая разношёрстную публику на набережной Фонтанки, думал о предстоящей беседе с министром Плеве.

Семь лет назад чиновник по особым поручениям в хозяйственной части Императорской охоты Александр Безобразов подал государю обширную аналитическую записку, в которой указал на неизбежность войны с Японией. Безобразов предлагал создать в Маньчжурии на границе с Кореей вдоль реки Ялу, особые заслоны, под видом коммерческих предприятий, и таким образом производить постепенное завоевание Кореи.

Этим проектом Безобразов увлёк многих сановников, включая, великого князя Сергея Александровича, мигмом оценившим выгоду предприятия для своего кармана. Однако вкладывать в дело собственные средства, Сергей Александрович не захотел, решив поучаствовать в деле тем, что уговорит своего венценосного племянника вложить в проект Безобразова государственные деньги. Николай II идеей экономической экспансии в Корею загорелся, но министр финансов Витте, резко воспротивился, полагая, что участия казны в проекте Безобразова, предадут делу нежелательные

политические последствия. Витте поддержали: военный министр Куропаткин, министр иностранных дел Ламсдорф и великая императрица Мария Фёдоровна. Карьерист Плеве, всегда державший нос по ветру, примкнул к сторонникам Безобразова, которых при дворе государя прозвали: «Безобразовская клика». Именно тогда Плеве выдвинул идею устранения Витте с поста министра финансов. Всё для того, что бы потрафить великим князьям: братьям и дядям Николая II, вошедшим в «Безобразовскую клику». Именно эти люди и подталкивали императора к войне с Японией.

Сам государь не слишком высоко оценивал военную мощь Японии, он уже примеривал на себя венок царя – победителя в войне. Николай II плохо слушал доводы военного министра Куропаткина, что русская армия не готова к войне на Дальнем Востоке. Тут ещё Плеве постоянно нашёптывал царю: «Маленькая победоносная война сейчас просто необходима для поднятия престижа власти в обществе».

Великий князь Сергей Александрович ехал к Плеве, чтобы обсудить вопрос, как добиться снятия Витте с поста министров финансов, и удаления его от Государя? Тогда будет легко повлиять на Куропаткина и Ламсдорфа.

Плеве, после ухода великого князя Сергея Александровича, принял заведующего Особым отделом Департамента полиции Зубатова. Министр недолюбливал его, называя «нигилистом». Однако в бытность свою начальником Москов-

ского охранного отделения полиции, Зубатов своими идеями заслужил доверие генерал – губернатора великого князя Сергея Александровича, и карьеристу Плеве приходилось с этим считаться.

Сергей Васильевич Зубатов в молодости придерживался революционных идей, дружил с народовольцами¹¹, за что и попал в поле зрения полиции. Работал с ним жандармский ротмистр Бердяев, великолепный оперативник и агентурист. Именно он уговорил Зубатова стать секретным сотрудником полиции, то есть, информатором. По сообщениям Зубатова была разгромлена народовольческая организация Москвы, а её члены арестованы.

С 1889 года Сергей Васильевич становится штатным сотрудником полиции. Он начинает работу в Московском охранном отделении полиции в должности чиновника по особым поручениям. Кураторство Бердяева не прошло для Зубатова даром, он стал великолепным агентуристом, но в отличие от своего учителя, Сергей Васильевич ещё и изучал нелегальную литературу, мог вести споры с революционерами. Из всех способов вербовки, он предпочитал убеждение.

Людей Зубатов убеждал мастерски, потому и имел обширнейшую агентуру в среде московских революционеров. Его работа стала приносить плоды, а это привело к закономерно-

¹¹ Народовольцы – члены русской революционной организации «Народная воля», возникшей в 1879 году после распада революционной организации «Земля и воля», и её террористической группы «Свобода или смерть».

му итогу – в 1896 году Зубатов возглавил Московское охранное отделение полиции. Вскоре оно стало лучшим в Российской империи. В октябре 1902 года Зубатов был переведён в Петербург в Департамент полиции, где возглавил Особый отдел, которому подчинялись все Охранные отделения Российской империи. Теперь Зубатов рассчитывал перенести свой московский опыт на работу всех Охранных отделений полиции Российской империи, однако ему активно препятствовал в этом министр внутренних дел Плеве.

Взглянув на папку в руках Зубатова, министр недовольно поморщился:

– Опять вы Сергей Васильевич со своими реформами. Полно вам сударь либерализмом заниматься, лучше работайте.

– Ваше высокопревосходительство речь идёт о воспитании рабочих в духе...

– Воспитанием покорности среди рабочих с успехом занимаются казаки своими нагайками, – прервал Плеве, – хороши в этом деле так же розги. Будьте добры голубчик, избавьте меня от чтения ваших прожектов. Я вас больше не задерживаю.

Зубатов поклонился и вышел из кабинета министра.

«С этим человеком совершенно невозможно работать! – думал он, выходя из приёмной Плеве. Сергей Васильевич шагал по коридорам министерства и размышлял: – От него вреда больше, чем от десятка бомбистов».

Ещё в 1896 году, работая в Московском охранном отделении полиции, Зубатов, занимаясь делом социал-демократической организацией «Московский рабочий союз», и допрашивая членов этой организации, разделил их на две группы. В первой были интеллигенты – революционеры, и они прекрасно осознавали, за что их арестовали. Вторая группа состояла из рабочих, которые никак не могли понять, в чём их вина, ведь они лишь читали книжки.

Зубатов стал изучать их литературу и выяснил, что часть русских революционеров взяла за основу учение германских социал-демократов. Смысл его был в тесном увязывании политической теории о революции с экономическими нуждами рабочих, Зубатов вмиг оценил всю опасность этого учения. Он понял, одними репрессиями здесь ничего не добиться. Репрессивные меры хороши для кучки народовольцев, которые никак не связаны с народом. Достаточно их пересажать и всё. Но если учение немцев Маркса и Энгельса попадёт в среду рабочих, и будет воспринято ими, то это крах для Российской империи.

Придя к таким выводам, Зубатов нашёл единственный выход, не допустить интеллигентов из среды социал-демократов в рабочую среду. Сделать это можно только одним путём – сама власть должна заниматься экономическими нуждами рабочих.

Зубатов подал разъяснительную записку на имя обер-полицеймейстера Москвы генерала Трепова, тот обратился за

поддержкой к генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу, который идеи Зубатова одобрил. После чего, Сергей Васильевич организовал в Москве несколько рабочих кружков. Когда Зубатов был переведён в Петербург, министр Плеве к его идеям отнёсся отрицательно.

Из министерства Зубатов шёл пешком. Здание, где располагался Департамент полиции, так же было на набережной Фонтанки. Едва он вошёл к себе в кабинет, как секретарь доложил, что к нему на приём просится старший помощник делопроизводителя Менщиков.

Как только Зубатов вступил в должность управляющего Особым отделом, он, пользуясь поддержкой директора Департамента полиции Лопухина, преобразовал свой отдел, учредив два подотдела, именуемые «стол». «Первый стол», предназначался для руководства всеми территориальными Охранными отделениями полиции. В нём осуществлялись сбор и систематизация информации, полученной с мест. Руководил этим «столом» коллежский асессор¹² Менщиков. Здесь собиралась и анализировалась информация на всех членов революционных организаций. Чиновники этого «стола» вели особую картотеку по революционным организациям Российской империи, осуществляли координацию между

¹² Коллежский асессор – гражданский чин в Российской империи. 8 класс согласно Табели о рангах. В армии приравнивается к чину капитана пехоты, либо капитан 3-го ранга (с 1907 года капитан – лейтенант) в военно-морском флоте.

Охранными отделениями полиции и Губернскими жандармскими управлениями. Вели дела на тайных информаторов полиции.

«Стол номер два» – служба наружного наблюдения. Состоял он из отряда филеров¹³, а так же особого «Летучего отряда филеров», куда входили лучшие агенты. Они наблюдали за интересующими Департамент полиции людьми по всей Российской империи, и за границей. Руководителем этого «стола» был коллежский ассессор Евстратий Медников.

Менщиков и Медников работали с Зубатовым ещё в Москве.

– Слушаю вас Леонид Петрович.

– Тут Сергей Васильевич казус произошёл, – как всегда неторопливо начал свою речь Менщиков, – зная вашу любовь к приобретательству агентуры, нашёл я интересного человека. Это некий Малиновский Роман¹⁴, который ныне

¹³ Филер – от французского слова *filer*, что означает «разыскивать». Агент Охранного отделения полиции, в обязанности которого входило осуществление наружного наблюдения и сбор негласной информации в отношении лиц представляющих оперативный интерес.

¹⁴ Малиновский Роман Вацлавович – 1876 – 1918 г. Большевик, член ЦК РСДРП. Друг Иосифа Сталина. В 1918 году в Москве был обвинён в работе на Охранное отделение полиции. Ещё в 1914 году ходили слухи, что Малиновский секретный агент Охранного отделения полиции. Он скрылся за границей, а после Октябрьской революции 1917 года вернулся, рассчитывая оправдаться от обвинений в сотрудничестве с полицией. Однако в архиве Департамента полиции было найдено его личное дело, и в 1918 году Малиновский был расстрелян большевиками.

служит в лейб-гвардии Измайловском полку.

– Чем же вас заинтересовал этот Малиновский?

– Любопытная бумага пришла из Варшавского Охранного отделения полиции, – Менщиков порылся в своей папке и нашёл нужный лист, – этот Малиновский осуждался за кражу и один раз даже бежал из тюрьмы.

– Чем нам может быть интересен обычный уголовник?! – удивился Зубатов.

– Я было, так же подумал, да взгляд мой зацепился за донесение тайного агента Варшавского Охранного отделения полиции Валуйко. Тот доносит, что в частной беседе Малиновский как-то сказал: «Рождён я для больших дел, а вынужден воровать хлеб для своего пропитания».

– Этот самый Малиновский замечен в связях с революционерами?

– В Варшавском Охранном отделении полиции на него ничего нет, – Менщиков захлопнул свою папку, – он чист, как белый лист бумаги. Пиши на нём какую угодно поэму. Под вашим руководством в среде революционеров, он и возрасти сможет.

– С нижними чинами сложно работать, – развёл руками Зубатов, – их практически не выпускают из казарм.

– Эх, Сергей Васильевич, вот она узость наша! – усмехнулся Менщиков. Он поправил листы в своей папке: – Ведь социалисты сейчас и среди господ офицеров попадаются, чего уж о нижних чинах говорить. А мы всё никак не сподо-

бимся в армейских кругах агентуру завести. Профукаем так армию.

– Правы вы Леонид Петрович, – задумчиво заметил Зубатов, – нужно начать работать с этим Малиновским.

– Вас-то Сергей Васильевич я быстро убедил, – засмеялся Менщиков, – а вот с начальником Московского Охранного отделения полиции ротмистром Ротко обрезался. Едва заикнулся о вербовке Малиновского, как тот сразу заявил, что полицейский надзор в армии не допустим. Оно и понятно, Ротко как-никак бывший армейский офицер, а там господа офицеры презирают жандармов. Даже руки им при встрече не подают, вот и не хочет Василий Васильевич лишний раз с офицерами связываться.

Ротко был учеником Зубатова, и Московское Охранное отделение он возглавил по протекции Сергея Васильевича. Хоть Ротко и жандарм, но всё же бывший офицер, и коробит его от того, что полиция в армии хочет иметь свою агентуру.

– Не будем Василия Васильевича по этому поводу тревожить, – решил Зубатов, – сами управимся.

Глава 2

«Нельзя допускать, чтобы нас давили как рабов, нельзя допускать, чтобы нашу кровь проливали как воду».

Из письма Егора Дулебова, объяснявшего его решение убить Уфимского генерал-губернатора Богдановича.

Март – май 1903 года.

В ясный, морозный, мартовский день, по заснеженной дороге скользили ямщицкие сани в сопровождении полусотни казаков. Это по казённой надобности ехал уездный исправник¹⁵ Николай Анисимович Ключников, весёлый, крепенький господин лет сорока. Компанию ему составил Сергей Митрофанович Мещеряков, податный инспектор¹⁶, болезненного вида, сухощавый, молодой человек, двадцати пяти лет, в пенсне и с бородкой клинышком, какие любят носить земские доктора.

Дело этим господам предстояло хлопотное и малоприятное – изъятие недоимок в деревне Ярославка. По этой причине и сопровождает их полусотня бородатых казачков. Сергей Николаевич в прошлом году после окончания курса в Московском университете¹⁷, получил место в податной палате Уфимской губернии.

Ключников стал уездным исправником недавно. Должности своей он был отнюдь не рад. Раньше Ключников служил

¹⁵ Уездный исправник – глава полиции в уезде Российской империи. Уезд – административное деление соответствующее современному району в губернии.

¹⁶ Податный инспектор – чиновник казённой палаты в губернских городах Российской империи.

¹⁷ То есть, окончил Московский университет.

становым приставом¹⁸, поддерживал порядок в своём стане, куда входило три волости, и забот не знал. Именно из-за таких мероприятий, какое им сегодня надлежало произвести, и не хотел Николай Анисимович становиться исправником, но начальство возражений его не пожелало слушать.

– Теперь уж немного осталось, скоро доедем, – сказал Ключников, разглядывая чернеющую в дали рощу, – в прошлое лето урожай в Ярославке неплохой был, да зимы у нас долгие, вот и начинают подъедать мужички запасы.

– Вы Николай Анисимович сказали, что в Ярославке хороший урожай был, так откуда в таком разе недоимки? – спросил, зевая Мещеряков. Он посмотрел на едущих сзади казачков и продолжил: – Откуда такая сумма, в тысячу четыреста тридцать рублей? Подушный налог с дворового хозяйства составляет двадцать четыре рубля. Это не такие уж и большие деньги.

– Эх, батенька вы мой, – горько усмехнулся Ключников, – землицы то у мужика десять десятин, ну две в аренду возьмёт под сенокос. Так глядишь в год рублей сто тридцать дохода и получит. А в семье детишек пять – шесть ртов, да ещё старики родители. Им всем есть – пить надо?! Да одна семья на себя почитай рубликов сто девяносто в год тратит. И то если мужик табака и водки не потребляет.

¹⁸ Становой пристав – полицейское должностное лицо в Российской империи, возглавляющее «Стан» – полицейский орган, осуществляющий надзор в нескольких волостях. Волость – нижнее территориально – административное деление в Российской империи. Обычно в волость входило несколько деревень.

– Зимой мужику в деревне делать нечего, – продолжая зевать, отвечал Мещеряков, – чем на печи лежать, лучше бы на заработки в город подавался.

– И уезжают мужики, – кивнул Ключников, – так в городе на мануфактуре или на фабрике тоже много не заработаешь. Вот потому и живёт деревня впроголодь на хлебе и картошке. Летом хоть щи из крапивы сготовить можно, – Ключников поднял воротник шинели и продолжил, – однако жить мужичку стало легче. Он хлеб хоть чистый есть стал, не подмешивает туда лебеды как десять годков назад. Раньше как бывало: подбавит мужик лебеду в хлеб, а она ещё не вызрела, да квас на лебеде и луке настоящий попьёт, так как другой еды нет. От такой пищи ходит мужик весь день шальной, будто пьяный, да ещё и рвёт его частенько с лебеды. У меня матушка с этого и умерла. Мне тогда и семи годков не было. Осталось нас у отца шесть душ детишек, мал мала меньше. Решил тятка последнюю корову на рынке продать. Говорит: «Всё равно без мамки некому за коровой следить». Собирался он в Екатеринбурге извозчиком стать, а нас детишек на бабу, свою мать оставить. Продал тятка корову на базаре, да домой его лошадь мёртвым на телеге привезла. Убили и ограбили по дороге. Я в семье старшим был, подался в город на заработки.

Ключников рассмеялся и продолжил:

– Не поверите, Сергей Митрофанович, в первый раз я ел мясо в двадцать один год, когда меня в армию забрили, –

Ключников вздохнул и продолжил, – в России мужику везде несладко.

Так за разговором и доехали до места. Ярославка по местным меркам село небольшое, дворов пятьдесят. Все избы крыты соломой, с покосившимися заборами. Деревянная церковь в центре села. Мещерякова этот унылый, убогий вид вогнал в тоску. Он всю жизнь прожил Москве, и сельские пейзажи для него исчерпывались загородной дачей в Томилино.

Для Ключникова процесс изъятия недоимок, хоть был делом неприятным, но обыденным, а для Сергея Митрофановича мероприятие оказалось шоком. Подъехав к дому старосты, потребовали у того созвать сход. Когда мужики собрались, Ключников попросил Мещерякова зачитать список недоимок, тот глядя на бородатых, одетых в рваньё мужиков, подумал:

«Что у этих людей можно взять?!» – однако достал из портфеля список и стал читать. При этом мужики кивали и горестно вздыхали.

– Год нынче уж больно тяжёлый был, – крикнул кто-то из толпы, – весь хлеб к крещенью подъели.

– Мужики! Месяц назад вы всем сходом постановили, что за недоимки отдельных дворов, отвечать будет всё общество, – крикнул Ключников, – вы просили дать отсрочки. Время прошло!

Опять начался ропот мужиков на тяжёлую жизнь.

– Так может до второго пришествия продолжаться, – покачал головой исправник.

Он дал команду казакам, и те начали ходить по дворам, собирать коров, лошадей и прочее имущество в счёт недоимок. Со всех сторон слышался бабий вой, роптали тихо мужики, а староста взмолился:

– Ваше благородие уйми ты казачишек!

После чего, мужики запрягли несколько саней и стали стаскивать на них мешки с зерном.

На обратном пути Ключников заявил:

– В этот раз легко управились, не пришлось у мужиков коровёнок забирать. Мы весь хлеб у них подчистую вымели. Что весной сеять будут?

– Губернское казначейство выдаст зерно для посева, – ответил Мещеряков.

– Так за зерновую ссуду опять нужно платить! – воскликнул Ключников. Он горько усмехнулся и продолжил: – Мужик ещё за прошлый год не рассчитался, а его уже в новую кабалу вгоняют. Не зря говорится: «Вот тебе бабушка и Юрьев день»!

– К чему здесь эта поговорка?! – усмехнулся Мещеряков. Он посмотрел на сани с зерном и закончил: – Поговорка эта совершенно не к месту.

Ещё как к месту уважаемый Сергей Митрофанович! Можно сказать именно с этой поговорки и начались беды Российской-

ской империи. До правления князя Ивана III¹⁹, крепостной крестьянин мог уйти от своего помещика, если был недоволен им. Сделать он это мог после окончания сельскохозяйственных работ, в конце ноября, за неделю до Юрьева дня и неделю после. Уходили крестьяне главным образом от того, что помещики загружали их непосильной барщиной²⁰, в ущерб хозяйству крестьянина. В 1497 году при Иване III вышел новый свод законов, именуемый «Судебник», в котором всякий уход крепостного от помещика был запрещён. «Вот тебе бабушка и Юрьев день!»

Именно с тех пор пошло закабаление крестьян, превращение их в рабов. Теперь помещик мог крестьянина запороть насмерть, изнасиловать его жену и дочь, и при этом он не нёс никакой ответственности. Можно было продать всю крестьянскую семью, либо поодиночке, проиграть в карты, все, что пожелает помещик, мог он сделать с крестьянином. Запыхали по Руси крестьянские бунты.

Об отмене крепостного права задумывалась ещё императрица Екатерина II, однако ей это не позволило сделать окружение. Даже самый гениальный и сильный правитель, обязан считаться с ним, иначе легко может получить табакеркой в висок как Павел I, либо быть задушенным подушкой, как его

¹⁹ Иван III – великий московский князь Иван Васильевич, правивший с 1462 по 1505 годы. Первый московский царь.

²⁰ Барщина – принудительный труд крепостного крестьянина, работающего личным инвентарём на помещичьей земле при крепостном праве.

отец Пётр III.

В правление Александра II стало окончательно ясно, что крепостное право нужно отменять, оно тормозит развитие промышленности, фабрики и заводы требовали рабочих рук. Реформы Александра II были куцыми, он дал личную свободу крестьянам, но свои небольшие наделы те получили от государства в заём, должны были его покрывать, и ещё выплачивать подушный налог.

Основным продуктом импорта в Российской империи было зерно. Его давали как мелкие крестьянские хозяйства, так и крупные землевладельцы. Крестьянин, работая на своём земельном участке, не мог прокормить многочисленную семью, вот и голодал. А там где голод, всегда зреет недовольство и бунт. Ох и страшны бунты на Руси!

В свою очередь помещики, веками живя за счёт крестьян, не могли и не хотели правильно вести хозяйство на своей земле. Они так же разорялись и продавали спекулянтам землю, которой у них было значительно больше, чем у крестьян. В семьях этих разорившихся помещиков так же зрело недовольство. Если отцы произносили на банкетах патетические речи об «угнетении свободной мысли в Российской империи», то их дети начинали изготавливать бомбы, швырять их в губернаторов и царей. Становились они *народовольцами*.

Именно от взрыва бомбы, брошенной народовольцами Рысаковым и Гриневицким, погиб «император освободитель» Александр II. Его сын Александр III принял «закру-

чивать гайки», но было уже поздно, идеи террора завладели умами гимназистов и студентов. Однако пока ещё справлялись со своими обязанностями Охранные отделения полиции и Отдельный корпус жандармов. Бомбистов успевали вовремя выявлять и обезвреживать.

Мужик в деревне привычно голодал, поносил матерными словами исправника, который был рядом, и почитал царя – батюшку, до которого далеко. Рабочий в России по существу был тем же самым мужиком. Крестьянина участок прокормить не мог, и он зимой подавался в город на заработки. Таков был капитализм в России в конце XIX и начале XX века. Постепенно на фабриках и заводах рабочие начинали работать уже круглый год, стал понемногу мужик отрываться от земли.

Когда ехали обратно, всю дорогу Мещеряков и Ключников молчали. Дремали в сёдлах казаки, тихо матерились в санях мужики, везущие зерно, отобранное в счёт недоимок, однако под конец умолкли и они, задремав в санях. От того все вздрогнули от зычного крика казачьего вахмистра²¹:

– Прощка! Кромешников! Подь сюда!

Встрепенулись казаки в сёдлах, послышались шутки:

– Эх, Михеич, ну и голосище у тебя! Даже ворон на версту с деревьев распугал.

²¹ Вахмистр – старший унтер – офицерский чин, аналог современного звания «старшина». Помощник командира сотни в казачьих частях. В мирное время чин вахмистра был только у казаков. В остальных родах войск он вводился в военное время.

– Так верно говорят: «Кому булава в руки, а кому ко-
стыль». Прав я Михеич? – спросил рыжий урядник²² Степа-
шин.

К вахмистру подъехал рослый, белокурый казак.

– Здесь я дядька Иван. Чего звал?

– Э! Э! Дура, – укоризненно покачал головой вахмистр, –
уж год как служишь, а ума всё не нажил. Ты что к куму на
блины приехал?! Какой я тебе дядька?!

– Виноват, господин вахмистр, – приложил руку к папахе
казак.

– Учи его, учи орясину, – заржал Степашин.

– Ты вот что Михаил, подтяни-ка казачков, а то растяну-
лись чуть ли не на версту, – ответил вахмистр.

Урядник повернул коня и поскакал назад с криком:

– Подтянись братцы, до города скоро уже. Приедем, может
господин вахмистр водочки презентует!

– Вот показал чёрт морду, – усмехнулся вахмистр. Он
взглянул на казака и спросил: – Что Проша из дома пишут?
Как там сестрица моя, Наталья Михеевна поживает?

– Слава богу, жива, здорова маменька, – ответил Про-
хор, – кланяться вам наказывала.

Фамилия у этого великана – казака была Балакирев. Ро-
дом он из станицы Чаганской Уральского казачьего войска.

²² Урядник – унтер–офицерский чин. Были младшие урядники, урядники и
старшие урядники. Аналог современным званиям: младший сержант, сержант и
старший сержант.

Отец его – Фрол Балакирев, бывало, напившись, на гулянках похвалялся, что род свой они ведут от Прони Балакирева, опричника царя Ивана IV Грозного. Далее своим слушателям Фрол объяснял, что понятие опричник, произошло от древнерусского слова «опричь», которое означает «кроме». Таким образом «опричник» означает на современном языке «кромешник». Он постоянно надоедал собутыльникам, разговорами про древность своего рода и опричнину, поэтому Фрола прозвали «Кромешник». Трех сыновей его: братьев – близнецов Прохора и Андрея, а так же младшего Федьку, звали Кромешниковы.

К шести часам вечера доехали до городка Златоуст. Заурядный, уральский городишко с несколькими каменными, двухэтажными домами, на мощёной булыжником центральной улице. Далее кругом деревянные постройки. Располагался Златоуст в живописном месте, в долине реки Ай. С двух сторон городок окружён хребтами Уралтау и Уреньга, с третьей – горой Мышляй. Центр городка размещался в котловине, а сам он раскинулся на отрогах гор. Летом, стоя на горе Мышляй, окинешь взором городок, и открывается прекрасный вид: утопающие в зелени домики, лютеранская кирха и католический собор. Находятся кирха и собор на Большой и Малой немецких улицах. Этот красивый пейзаж можно сравнить со Швейцарией.

Проводив Ключникова и Мещерякова с хлебным обозом до городской управы, казаки направились в казармы 214 ре-

зверного Мокшанского пехотного батальона, которые располагались в версте²³ от Златоуста. Казаки там стояли на постое.

Едва Ключников вошёл в здание городской управы, прибежал полицейский и сообщил, что господина исправника требуют в заводууправление. В просторном кабинете управляющего горным округом Зеленцова, кроме самого хозяина кабинета, за длинным столом для совещаний сидели: адъютант уфимского губернского жандармского управления ротмистр Долгов и инженер Кихлер.

– Наконец – то вы объявились Николай Анисимович, – сказал Зеленцов, – у нас тут брожения среди рабочих.

– Всему виной ваша мягкотелость, Анатолий Александрович, – хлопнул ладонью по столу ротмистр Долгов, – бунтовщиков карать нужно, а вы господа инженеры пошли у них на поводу. Теперь получайте стачку!

В Златоусте располагался оружейный завод. Условия работы у рабочих здесь, так же как и везде в России были тяжёлые: низкая заработная плата и произвол администрации. В 1888 году сюда на работу приехали выпускники Уральского горного училища Рогожников и Тютев. Именно они первыми в Златоусте познакомили рабочих с нелегальной марксистской литературой, и организовали рабочий комитет. Начались стачки за улучшение условий труда на предприятиях Златоуста. Лишь в 1897 году полиции и жандармам удалось

²³ Верста – русская единица измерения расстояния. Равна 1066,8 метра.

выявить и разгромить этот рабочий комитет, все его члены были арестованы. Однако рабочих было уже не остановить. В Златоусте они вскоре организовали «Союз социал-демократов и социалистов – революционеров». Одна за другой на предприятиях города шли стачки и забастовки, потом состоялась общегородская манифестация рабочих. Опасаясь остановки производства на предприятиях, Зеленцов пошёл на уступки. 12 декабря 1902 года на литейном, механическом, и прочих тяжёлых и вредных производствах, были введены восьмичасовой рабочий день, и повышена зарплата. Теперь она составляла двадцать рублей в месяц. К слову, это была средняя зарплата на таких же производствах, как и везде в Российской империи. За ту же работу в Германии рабочий получал втрое больше, а в США в пять раз. Однако для Златоуста, и двадцать рублей в месяц, было достижением. Но вот пришла грозная бумага из Петербурга – пересмотреть условия работы в сторону ужесточения.

В марте 1903 года администрация Казённого оружейного завода сообщила рабочим, что вводятся новые правила. Отныне восьмичасовой рабочий день отменялся, длительность рабочей смены администрацией вводилась произвольно: от двенадцати часов и выше. Зарплата снижалась и одновременно вводилась новая система штрафов: за сбор больше трёх рабочих на территории завода, за то, что рабочий не снял шапки при обращении к мастеру, и так далее. Запахло новой стачкой.

– Нет господ, действовать нужно решительно! – ещё раз хлопнул ладонью по столу ротмистр Долгов.

– Казачья полусотня завтра должна отбыть в Самару, – заметил Ключников. Он посмотрел на Зеленцова и спросил: – Может отменить их отъезд?

– Зачем?! – вместо управляющего, спросил Долгов. Он встал и прошёлся по кабинету: – У нас целый пехотный батальон под боком. Найдём и без казаков, чем усмирить бунтовщиков.

– Вопрос оставлять казаков или нет, лежит целиком в вашей компетенции господ, – инженер Кихлер посмотрел на Ключникова и Долгова, – меня интересуют литейные печи. Они не должны останавливаться. В случае забастовки печи погаснут, и начнут остывать. Последующее доведение их до нужной температуры дело долгое и хлопотное.

– Не беспокойтесь Альфред Кириллович, печи не погаснут. Даю вам слово офицера, – усмехнулся Долгов.

– А может всё обойдётся! – неожиданно воскликнул Зеленцов.

– Тут Анатолий Александрович, как говорится: «На Бога надейся, а сам не плошай», – рассмеялся Долгов.

Не обошлось. Десятого марта завод забастовал. Кихлер всё причитал о своих печах, и перепуганный Зеленцов вышел к рабочим. Он предложил выделить для переговоров двух делегатов от рабочих. На переговоры вызвались идти члены подпольного комитета «Союза» Симонов и Фелюш-

кин.

Зеленцов по телеграфу связался с уфимским губернатором Богдановичем, и обрисовал ему ситуацию. Тот обещал подъехать, а начальник Уфимского ГЖУ²⁴ полковник Шатов, по телеграфу указал Долгову: «Выявить и задержать заговорщиков». К тому времени в Златоуст вошли две роты Мокшанского пехотного батальона.

Когда на переговоры явились Фелюшкин и Симонов, то Долгов их арестовал как зачинщиков, и отправил в городскую тюрьму. Тут всколыхнулся весь город. Около восьми часов вечера Ключников пришёл в заводууправление, где Долгов устроил свой штаб, и сообщил, что в городе неспокойно. Ротмистр выделил пятьсот рублей из средств жандармского фонда. Для того времени это были большие деньги. Ротмистр послал полицейских Коноплёва и Варежкина в трактир Шишкина за водкой. Купец надолго запомнил этот день, такой богатой выручки у него ещё никогда не было. Всю ночь Долгов поил солдат, и сам с офицерами батальона не забывал прикладываться к бутылке.

Утром шеститысячная толпа рабочих собралась на городской площади около дома Зеленцова. Они требовали отпустить Симонова и Филюшкина. Не протрезвевший от ночной попойки Долгов, валял дурака, и говорил, что не знает где они. Тем временем на поезде, подъехали: губернатор

²⁴ ГЖУ – губернское жандармское управление. Такая аббревиатура была принята в служебной переписке того времени.

Богданович, начальник ГЖУ полковник Штатов и товарищ прокурора²⁵ уфимского окружного суда Дьяченко. Они прошли в дом Зеленцова. Туда же хотел войти и Ключников, но толпа задержала его. Послышались крики: «Бей исправника! Нашу кровушку пил, теперь пусть своей умоется!»

На выручку начальству бросился полицейский Коноплёв, но ему пару раз стукнули по спине и сбили с ног. Однако члены подпольного комитета «Союза» быстро вмешались, и утихомирили толпу. Коноплёв и Ключников прошли в дом Зеленцова. Выйдя на балкон дома, губернатор Богданович крикнул, что с толпой говорить не будет, он предложил выбрать депутатов для разговора. В ответ рабочие ответили, что они выбрали депутатов, а тех арестовали. Богданович ушёл с балкона, и приказал Долгову разогнать толпу.

Офицеры Мокшанского батальона дали команду солдатам: «К стрельбе изготовиться».

Солдаты вскинули ружья. В первых рядах толпы стояло очень много женщин с маленькими детьми, но это ни офицеров, ни Долгова не остановило. Ротмистр махнул рукой и грохнул залп. Попадали убитые и раненные, а толпа застыла в шоке. Грохнул ещё один залп, люди вновь упали. Городская площадь маленькая, а народу собралось много. Люди стали разбегаться и образовалась давка. Солдаты тем временем перезаряжали ружья и стреляли по толпе.

Сидевший в доме товарищ прокурора Дьячков, вспомнил

²⁵ Товарищ прокурора – заместитель прокурора.

о револьвере, который он недавно купил. Он захотел его опробовать. Дьячков подошёл к окну, и стал стрелять из револьвера в людей. Стрелком Дьячков оказался плохим и в толпе никого не задел, но шальной пулей убил бабу на соседней улице, которая несла воду в вёдрах.

Некоторые рабочие, не испугавшись солдатских пуль, стали швырять камни по окнам зеленцовского дома. Один из таких камней, по касательной, оцарапал лоб полицейскому Коноплёву. Впоследствии на суде, обвинение доказывало, что у рабочих было оружие.

Итог этой бойни: около шестидесяти человек было убито на площади, ещё пять человек погибло от шальных пуль, они случайно оказались на других улицах, и к демонстрации не имели никакого отношения. Раненных было более ста пятидесяти человек, причём многие из них скончались уже в больнице.

Через три дня начались похороны убитых, и Богданович приказал не препятствовать траурным митингам. Однако в арсенале оружейного завода, на всякий случай, был укрыт Мокшанский пехотный батальон.

Глядя на похоронные процессии, шествующие мимо заводууправления, инженер Кихлер заметил:

– Печи всё же остановить пришлось, и теперь потребуется неделя, что бы завод заработал в полную мощность, – он посмотрел на чиновников, столпившихся около Богдановича, – и чего добились, пролив столько крови?

– Государь император, выслушав доклад министра Плеве, одобрил мой поступок, а это меня успокаивает, – сухо заметил губернатор. Он махнул рукой в белой перчатке и продолжил: – А впрочем, для разгона этой толпы, хватило бы и полусотни казаков с нагайками. Зря уральских казаков тогда отпустили из города.

Богданович развёл руками и закончил:

– Ну, ничего, теперь эти смутьяны будут думать о последствиях своих поступков.

О последствиях лично для себя губернатор Богданович не задумывался.

Глава 3

«Я же, – человек русский, полумер не знаю. Если что делаю, так то люблю и увлекаюсь им от всей души, и уж если что не по-моему, лучше сдохну, сморю себя в одиночке, а разводить розовой водицей не стану».

Из дневника Сергея Васильевича Зубатова, заведующего Особым отделом Департамента полиции.

Апрель – май 1903 года.

Москва начала XX века была тесным городом, с плотно стоящими дворами – колодцами, куда редко проникал солнечный свет. Мощёные булыжником улицы извилисты, пересекались переулками, которые подчас заканчивались тупиками, тут не мудрено и заблудиться.

Однако была в московских улицах своя прелесть и уют. Если сравнивать с Петербургом, городом чиновничьим и чопорным, с его прямыми улицами. Разительно отличался от петербургского, и московский обыватель. Москвич совершенно не интересовался светскими новостями, не ведал, что происходит в царской семье, и даже мог не знать, кто ныне в стране министр финансов. Однако в каком трактире Москвы подают самую вкусную кулебяку, обыватель знал досконально.

Московский трактир, это не только место где утоляют голод, и даже не питейное заведение, а нечто большее. То же самое, что в Британии клуб – место общения людей. В трактире заключались торговые сделки и тут же «вспрыскивались» шампанским, здесь можно было сосватать свою засидевшуюся в девках дочку, и сыграть партию в бильярд.

В Охотном ряду держал трактир старообрядец Егоров. Старообрядцы не употребляли хмельного и табаку, потому

ни водки, ни пива тут не подавали. Здесь собиралась особая публика – любители чая. У Егорова были различные сорта чая, которые подавали «с алимоном и полотенцем».

Соблюдался своеобразный чайный ритуал: половой²⁶ приносил на подносе сахарницу, блюдец с лимоном, чашку, чайник с кипятком и чайник с заваркой, а так же полотенце. Посетитель вешал полотенце на шею, и по мере того как выпивался чай, обмакивал им пот с лица.

В солнечный, пасхальный день²⁷, народу в заведении Егорова было полно. Шум и гам, снуют туда – сюда половые с подносами, посетители с красными лицами, утираются полотенцами, и ведут степенные разговоры. Никто не обратил внимания на двух вежливых господ, сидящих в углу зала, попивающих чаёк, и беседующих между собой. От полотенца они отказались.

Один, щупленький, с зачёсанными назад тёмно – каштановыми волосами и бородкой – эспаньолкой²⁸. Правый глаз у этого господина, слегка косил. Похож он был на адвоката или репортёра газеты. А может быть это доктор? Третье предположение ближе всех к истине, ибо в прошлом Герш – Исаак Гершуни или как его именовали на русский лад: Григорий Андреевич Гершуни, обучался на провизора. Он даже успел поработать немного в аптеке по специальности, однако

²⁶ Половой – слуга в трактире, выполняющий так же функции официанта.

²⁷ В 1903 году Православную Пасху отмечали 19 апреля.

²⁸ Бородка эспаньолка – бородка клинышком.

увлекла его революционная романтика.

Теперь это был «поэт террора и гений конспирации», как его звали товарищи по партии социалистов – революционеров, или короче эсеры. Именно Гершуни был инициатором создания боевой организации партии, которую именовали «Боёвка».

Собеседник Гершуни, круглый, пухлый господин, с толстыми губами и пышными, пшеничного цвета усами. Звали этого господина Евно Фишлевич Азеф, а на русский манер – Евгений Филиппович Азеф. Это ближайший сподвижник Гершуни.

– Мартовский расстрел в Златоусте сильно всколыхнул Россию, – заметил Гершуни, прихлёбывая чай, – наша боевая организация просто обязана прореагировать на это.

– Ты планируешь акцию? – Азеф закурил папиросу «Стелла».

– У тебя есть люди для исполнения теракта? – вопросом на вопрос ответил Гершуни.

– Найдём, – кивнул Азеф. Он затянулся папиросой и продолжил: – Киевская организация поможет нам с исполнителями. Кого ты планируешь устранить?

– Богдановича, – ответил Гершуни, – но необходимо выехать в Уфу и определиться там по месту.

– Хорошо, – кивнул Азеф, – пока ты будешь заниматься этим, я подберу людей для акции.

– Да, можно и так, – согласился Гершуни. Он подозвал

полового и расплатился за чай.

Туалет у Егорова, впрочем, как и во всех трактирах Москвы, располагался во дворе, из которого не было выхода на улицу. Попасть туда можно было, только минуя зал трактира. Когда Гершуни с Азефом возвращались из двора через коридор, Гершуни остановился у входа в зал. Там располагались отдельные кабинеты для тех, кто, попивая чаёк, хотел в тиши обсудить свои дела. Окон в кабинетах не было, потому в тёплый день там бывало жарко, но можно приоткрыть дверь. Гершуни остановился у такой приоткрытой двери, увидев господина средних лет в клетчатом костюме, а с ним солдата.

– Знаешь, кто это? – шёпотом спросил Гершуни.

Азеф отрицательно покачал головой, и так же шёпотом ответил:

– Нет.

– Это Зубатов из Охранки, – продолжал шептать Гершуни, он направился в зал, Азеф последовал за ним.

Он обманул Гершуни, сказав, что не знает Зубатова. Евгений Фишлевич Азеф был тайным сотрудником Охранного отделения полиции с постоянным содержанием. Причём его годовой оклад, был чуть меньше, годового содержания директора Департамента полиции. Азеф считался ценным агентом в среде социал – революционеров, с ним контактировали сам Зубатов или директор Департамента полиции Лопухин.

– Я имел честь познакомиться с господином Зубатовым три года назад, – рассказывал Гершуни, когда они вышли из трактира, – в марте 1900 года я был арестован по делу о нелегальной типографии. Умнейший, доложу я тебе, человек.

Тогда, Зубатов имел долгие беседы с Гершуни. Это был основной принцип Зубатова при вербовке агентуры, убеждать своих противников. Он по возможности старался избегать репрессивных мер. Сергей Васильевич часто добивался желаемого результата, Гершуни так же искренне решил пойти на сотрудничество с Охранным отделением. Он был отпущен на свободу, и Зубатов решил пока его не трогать, дать «дозреть» до сознательного сотрудничества с полицией. В этом была ошибка Зубатова. На воле Гершуни отошёл от обаяния Сергея Васильевича, и решил больше с ним никогда не встречаться. Гершуни перешёл на нелегальное положение. Ему пришла в голову мысль, основать боевую организацию партии социалистов – революционеров, и начать террор против крупных чиновников Российской империи.

В конце 1901 года он выезжает в Женеву, там излагает свой план по созданию Боёвки маститым революционерам – народовольцам: Михаилу Гоцу²⁹ и Виктору Чернову³⁰. Именно эти двое создали партию социалистов – революционеров.

²⁹ Михаил Гоц – Мойше Рафаилович Гоц, (1867 – 1906). Народоволец, член заграничного бюро ЦК партии социалистов – революционеров (ПСР). Создатель устава «Боевой организации эсеров».

³⁰ Виктор Чернов – Виктор Михайлович Чернов, (1867 – 1962). Один из основателей ПСР, её главный теоретик.

Тогда же Гершуни познакомился с Азефом, который в Женеве тайно освещал Охранному отделению полиции, деятельность только что созданной партии эсеров. Азеф и Гершуни быстро подружились. Эта дружба для Гершуни продлилась всю его оставшуюся жизнь. Когда вскрылось сотрудничество Азефа с полицией, Гершуни не верил в это. Смертельно больной раком, он пытался выехать из Женевы в Россию, что бы доказать невиновность своего друга. Только его смерть помешала этой затее.

Гершуни решает для набора боевиков в свою организацию, применить тактику Зубатова, то есть убеждение в своей правоте. Он быстро вербует сторонников, будущих исполнителей террористических актов.

Гершуни каждый теракт от начала и до конца разрабатывал сам, выискивая возможности подхода к своим жертвам. Он подолгу вёл беседы с исполнителями терактов, и памятуя, об ошибке, которую с ним совершил Зубатов, никогда не оставлял исполнителей терактов наедине со своими мыслями. Первым, кого Гершуни подготовил на роль исполнителя, был Степан Балмашев. Однако это для Гершуни было лёгкой задачей. Степа сын народника, и горел идеей: «отомстить царским сатрапам за страдания народа». Балмашев был как динамитная шашка: подожги бикфордов шнур и жди взрыва.

2 апреля 1902 года он, переодевшись поручиком, пришёл с пакетом к министру МВД Сипягину. Тот разорвал пакет и

увидел свой смертный приговор от боевой организации эсеров. Сипягин недоумённо взглянул на Балмашева, а тот, выхватив револьвер, всадил в министра пять пуль, потом его скрутили дежурные офицеры.

Гершуни запланировал на похоронах Сипягина теракт против обер-прокурора Священного Синода Победоносцева и градоначальника Петербурга Клейгельса. Их должны были убить артиллерийский поручик Григорьев и его невеста Юрьева. Гершуни долго их готовил: «к священной миссии освобождения России». Однако произошёл казус: когда Григорьев и Юрьева пошли убивать сановников, Гершуни остался в толпе, и обаяние его чар закончилось. Григорьев и Юрьева отказались от своих намерений, они тут же вернулись домой, и впоследствии прервали все контакты с Гершуни.

После этой неудачи Гершуни принимает решение убить генерал – губернатора князя Оболенского, за то, что утопил в крови крестьянские волнения 1902 года в Харьковской губернии. Гершуни выбрал исполнителя из крестьян, им стал плотник Фома Кацура.

«Отмщение Оболенскому за крестьянскую кровь, придёт от крестьянина», – провозгласил Гершуни на заседании киевской организации социалистов – революционеров.

Оболенского планировалось убить в харьковском парке «Тиволи», где тот любил отдыхать. Теперь Гершуни ни на минуту не оставлял Кацуру, пока тот не вышел на позиции

выстрела. Кацура начал стрелять, однако Фома до сего момента в руках не держал огнестрельного оружия. Выпустив в упор из «Браунинга» семь пуль, он лишь дважды попал Оболенскому в руку. Ранения были несерьёзные, и тот сам смог задержать Кацуру.

Несмотря на то, что из трёх терактов удачным оказался лишь один, Виктор Чернов назвал Гершуни «поэтом террора».

Гершуни с Азефом не спеша шли по Охотному ряду, удаляясь от трактира Егорова, а Зубатов пил чай и вёл беседу с солдатиком из Измайловского полка. Звали этого солдата Роман Малиновский.

Зубатов по совету коллежского асессора Менщикова начал контакты с Малиновским, и сразу поразился нюху Леонида Петровича. По одним только бумагам разглядеть сущность этого парня! Роман был невероятно амбициозен, сильно терзался ничтожностью своего существования. Зубатов стал изредка встречаться с ним, исподволь готовя его к деятельности тайного агента полиции. Сейчас Малиновский как агент не представлял никакой ценности, но Сергей Васильевич работал на перспективу.

«При должной огранке, этот алмаз ещё заблестит в короне политического сыска Российской империи» – размышлял он.

Вербовка и работа с агентурой, были любимым занятием Сергея Васильевича Зубатова. Он часто поучал своих со-

трудников: «Любите своего агента, как мужчина любит замужнюю женщину. Хольте, лелейте его, потакайте его капризам. И терпение ваше воздастся вам. Всегда будьте осторожны со своим агентом. Помните! В случае вашей небрежности, вы отделаетесь лишь служебным взысканием, а агент ваш может лишиться общественного положения, а то и самой жизни».

В своё время Зубатов отлично наладил работу Охранного отделения полиции в Москве, и это сейчас на себе испытал Гершуни. Ему понадобились бланки паспортов, а знакомый студент Московского университета Марк Вишняк, входящий в московскую организацию эсеров, сообщил, что у группы социал-демократов Авдеева имеется подпольная типография с соответствующим шрифтом, на ней можно отпечатать бланки паспортов.

Вишняк свёл Гершуни с Авдеевым на квартире Анны Серебряковой, проживающей в доходном доме³¹ Кекушевой на Остоженке³². Авдеев согласился помочь, и они условились встретиться здесь же через два дня.

Анна Серебрякова была секретным агентом Московского Охранного отделения полиции, работавшая под псевдонимами: «Туз», «Мамаша», «Суббота». Служила она со-

³¹ Доходный дом – многоквартирный жилой дом, все квартиры которого сдаются жильцам в наём.

³² Доходный дом Кекушевой на Остоженке – современный адрес: Москва, улица Остоженка дом 19.

трудницей газеты «Русский курьер», и так же была активисткой полулегальной организации «Красный крест», которая помогала политическим заключённым. У неё на квартире собиралась либеральная интеллигенция, заходили эсеры с социал-демократами, и естественно общались между собой. Именно через Серебрякову, московская Охранка смогла установить всех участников социал-демократической группы Авдеева. Их арест был делом времени, но ротмистр Ротко хотел проследить их связи, для чего за квартирой Серебряковой было установлено наблюдение.

Ротко получил от агента «Мамаша» сообщение: «у неё на квартире Авдеев встречается с неким Николай Ивановичем Ивановым». Ознакомившись с его описанием, Ротко решил, что вероятнее всего это Гершуни, считающийся «опасным революционером».

Тот, выйдя из квартиры Серебряковой, обнаружил за собой слежку. Пытаясь оторваться от филеров, он петлял по московским переулкам, но всё было бесполезно. Измучившись от такой ходьбы, Гершуни забрёл в трактир «Саратов» на Сретенке.

По всей видимости, филеров было двое, следили они ненавязчиво, но плотно, оторваться трудно. У него как на грех в кармане билет на поезд в Уфу, через три часа он отходит от Казанского вокзала. Что же делать? Предаваясь грустным размышлениям, Гершуни заметил, как один из филеров вошёл в трактир и сел за крайний стол, заказав чаю и водки.

«Второй, стало быть, на улице, – вздохнул Гершуни. Вдруг он чуть не вскрикнул от радости:– И второй тут!»

Оба филера, употребили водку и, закусив солёным огурчиком, попивали чаёк.

– Человек! – крикнул Гершуни.

К нему подскочил половой – длинный парень в засаленном белом фартуке.

– Графин «Смирновской», суп из раков, расстегаи и поросёнка с кашей! – распорядился Гершуни.

«Пусть видят, что я никуда не тороплюсь», – решил он.

Пока он ел, три раза отлучался в туалет, и кто-нибудь из филеров выходил с ним, а другой, вероятно в этот момент наблюдал около входной двери трактира.

Гершуни расплатился за заказ, и тут же велел принести блинов и чаю. Видя, что клиент решил скоротать здесь вечерок, филера расслабились и заказали себе ещё пива. Гершуни два раза ходил в туалет, неизменно один филлер «случайно», так же выходил по нужде. Гершуни сделал вид, что сильно опьянел, выйдя в третий раз, он не обнаружил во дворе никого. Филеры, вероятно, поленились, они лишь держали под контролем дверь из трактира. Двор был глухой, но туалет из трактира не просматривался. Гершуни прошёл чуть дальше туалета, запрыгнув на забор, подтянулся на руках и перелез в другой двор. Оттуда выскочил на улицу. Он нанял извозчика и велел отвезти себя в Марьину рощу. Потом пешком добрался до Камер – Коллежского Сущевского ва-

ла³³. Побродив немного по Дмитровке, он в Столешниковом переулке не обнаружив «хвоста», нанял извозчика. Гершуни подъехал к Казанскому вокзалу, перед самым отходом поезда.

Больше месяца Сергей Митрофанович Мещеряков пребывал в угнетённом состоянии духа, от того, что ему пришлось быть свидетелем массового убийства в городе Златоуст.

«Как можно вот так безнаказанно, убивать десятки неповинных людей?! – размышлял всё время он. – И губернатор после этого заявляет, что государь одобрил его действия. Разве может царь одобрить такое?!»

Что-то перевернулось в голове Мещерякова. Он по-прежнему ходил на службу, исполнял свои обязанности. Всё так же в коридоре их податного присутствия висел портрет Николая II, однако теперь Мещеряков взирал на Его императорское величество без трепета. Не так, как полагалось верноподданному Российской империи. Дух Мещерякова бунтовал! Возникали доселе неведомые вольнодумные чувства, изрядно будоражившие ум податного инспектора.

26 апреля Мещеряков сидел в кухмистерской³⁴ Лукьянова на Большой Казанской³⁵ улице. Сергей Митрофанович с от-

³³ Камер-Коллежский Суцевский вал – ныне Суцевский вал.

³⁴ Кухмистерская – заведение подобное нынешнему кафетерию

³⁵ Большая Казанская – современная улица Октябрьской революции в Уфе.

вращением смотрел на начальника губернского присутствия Самсонова, который привёл сюда всё своё семейство. Восседая за столом, этот почтенный господин рассуждал о важности сбережения устоев государства, а самым главным из этих устоев, по мнению Самсонова, было Самодержавие. Супруга его Антонина Павловна с благоговением внимала словам мужа, а потомство в лице сына – гимназиста и трёх дочерей поглощало мороженное, и глазело по сторонам.

– Если некие вольнодумные прохвосты, нахватавшись немецких утопических идей, думают с их помощью возмутить толпу, то они просчитались. Государство жестоко карает тех, кто покушается на его устои, именно так были наказаны бунтовщики в Златоусте.

Мещерякова буквально передёрнуло от этих слов. Сидящий за соседним столиком господин с бородкой клинышком и косящим правым глазом, улыбнувшись, сказал:

– Не считите меня назойливым сударь, но мне кажется, вы не совсем согласны с утверждением этого почтенного главы семейства.

– Вам-то какое до этого дело?! – недовольно ответил Мещеряков.

Незнакомец взял чашку с кофе и пересел за столик Мещерякова.

– Вы позволите? – спросил он, уже усевшись на стул. Приложив руку к груди, продолжил: – Покорнейше прошу меня извинить за бестактность, я не представился, Николай Ива-

нович Иванов, земский врач.

– Сергей Митрофанович Мещеряков, чиновник.

– Так вот уважаемый Сергей Митрофанович, – всё так же улыбаясь, продолжил Иванов, – по вашему выражению лица, я сделал вывод, что вы не разделяете мнения сего почтенного господина. Учитывая, что вы отрекомендовались чиновником, данное обстоятельство вселяет некоторый оптимизм.

– Отчего же?! – искренне удивился Мещеряков.

– Радует то, что под чиновничьим мундиром, эдакого неприметного Акакия Акакиевича³⁶, таиться не казённая душа, а бьётся честное, порядочное сердце.

Они проговорили додрых два часа, Мещеряков был очарован своим новым знакомым. Договорились встретиться ещё раз и разошлись. Вдохновлённый речами Николая Ивановича, Мещеряков пошёл домой, а его новый знакомый отправился на прогулку по Уфе. Он гулял по улицам, забредал в переулки и подворотни, проверяя, нет ли за ним хвоста. Думаю, дорогой читатель, ты уже догадался, что это был Гершуни, который стал Ивановым по приезду в Уфу. Здесь он проживал неделю. За это время установил связь с железнодорожным рабочим Егором Дулебовым.

Два года назад один из членов революционного кружка – Егор Сазонов, бывший студент Московского университета, высланный под надзор полиции в город Уфу, познакомил Гершуни с Дулебовым.

³⁶ Намёк на героя повести Н.В. Гоголя «Шинель».

Этот лобастый паренёк заявил, что не считает революционным делом чтение нелегальной литературы. Тогда Гершуни только посмеялся над горячностью Дулебова. Сейчас он напомнил Егору его слова. Тот ответил, что он остался такого же мнения. Гершуни предложил ему убить губернатора Богдановича, Егор согласился сразу, не раздумывая. Гершуни не забыл свою неудачу в Харькове, он решил использовать двух стрелков. Однако Егор Сазонов был сослан на поселение в Якутск. Можно было связаться с Азефом, и тот вышлет стрелков из Киева, но на это уйдёт уйма времени, а убийство Богдановича необходимо совершить сейчас, пока не улеглось негодование расстрелом рабочих в Златоусте.

Потому Гершуни и свёл знакомство с Мещеряковым. Он встречался с этим чиновником почти каждый день, легко убедил его, что, Богданович, проливший кровь невинных людей, должен отдать свою. Мещеряков согласился покарать «кровавого сатрапа». Для начала Гершуни поручил ему приобрести оружие и патроны. Сам же занялся слежкой за губернатором.

Уфимский губернатор оказался человеком на редкость педантичным. Ровно в два часа дня он выходил из своего особняка на Губернаторской улице³⁷, и направлялся на прогулку в Ушаковский парк³⁸. Здесь губернатор совершал свой моцион. Его сопровождали двое городских, но шли они в

³⁷ Губернаторская улица – ныне Советская улица в городе Уфе.

³⁸ Ушаковский парк – ныне парк имени А. Макарова в Уфе.

отдалении, и подходить к Богдановичу не препятствовали. Гершуни за время слезки дважды приближался к губернатору, раскланивался с ним, городские даже не взглянули на него, они болтали между собой. Впрочем, многие гуляющие в парке, подходили к Богдановичу, здоровались, а некоторые тут же подавали свои прошения.

«Нужно будет приобрести Егору приличный костюм», – размышлял Гершуни, читая табличку, прикрученную к кованым, чугунным воротам парка. Табличка гласила: «Нижним чинам и собакам, вход запрещён».

Тридцатого апреля Мещеряков показал Гершуни пистолет «Браунинг» и револьвер «Лефаше».

– Вот, приобрёл в охотничьих магазинах, – сообщил он. Руки Сергея Митрофановича сильно дрожали.

– Вы от чего-то нервничаете? – полюбопытствовал Гершуни.

– Переживал, ночь не спал, – Мещеряков вытер носовым платком лоб, – как подумаю, что скоро убью человека, пусть и кровавого тирана, но всё же человека, так стучит в висках: «Ни убий»!

«Слабак! – подумал Гершуни. Он забрал оружие из рук Мещерякова: – Этот своими толстовскими терзаниями, всё дело загубит».

– Не переживайте, – усмехнулся Гершуни, – вы для другого дела предназначены. Исполнять приговор будут иные люди.

Шестого мая Богданович по своему обыкновению гулял в парке. В четыре часа дня он собрался домой, к нему подошёл Мещеряков. Поклонившись, он подал конверт. Богданович, думая, что это очередное прошение, вскрыл конверт и стал читать:

« Приговор.

Боевая организация социалистов-революционеров, приговаривает кровавого палача генерал – губернатора Уфимской губернии...»

– Позвольте! – изумился Богданович, он оторвал взгляд от листа бумаги. Однако человек, подавший это послание, куда-то исчез.

Сзади к губернатору подошёл Дулебов и стал стрелять из «Браунинга». После первых двух выстрелов Богданович упал, но Дулебов, помня о том, что калибр у «Браунинга» небольшой, выстрелил ещё пять раз. Он полностью опустошил обойму пистолета. Егору показалось, что Богданович ещё шевелиться, достав револьвер, он выстрелил в губернатора ещё раз. Однако Богданович был мёртв после первого же выстрела. Пуля пробила ему сердце. В этот день городовых с губернатором не оказалось, и к Егору бросился сторож парка, Дулебов навёл на него револьвер и заорал:

– Пошёл вон! – сторож кинулся наутёк.

Публика, привлечённая шумом выстрелов, собралась на аллее. Однако увидев убегающего сторожа, и человека с револьвером, люди так же бросились врассыпную. Воспользо-

вавшись этой паникой, Дулебов побежал в сторону реки Белая. Там на улице Воскресенская³⁹ его в пролётке поджидали Мещеряков и Гершуни. Они доехали до Верхнеторговой площади, там высадили Мещерякова, и поехали в Северную слободу⁴⁰, где отпустили извозчика.

В шесть часов вечера Дулебов и Гершуни уехали в Самару. В вагоне поезда Гершуни вручил Егору паспорт, на имя Николая Агапова и деньги. Доехав до Москвы, Егор и Гершуни расстались на Казанском вокзале. Дулебов снабжённый адресами эсеров за границей, уехал в Швейцарию, а Гершуни намеревался перебраться в Киев.

В Уфу после убийства Богдановича приехали опытные агенты Департамента полиции из Петербурга. Совместно с местной полицией они начали розыски убийц губернатора. Мещеряков от переживаний свалился в нервной горячке, но никому и в голову не пришло, что он может быть причастен к убийству губернатора.

Через десять дней до полиции дошли сведения, о внезапной пропаже рабочего железнодорожного депо Егора Дулебова. У него на квартире был проведён обыск, и обнаружено письмо, в котором он признавался в убийстве губернатора Богдановича, объясняя причины. Приметы Дулебова тотчас же были разосланы по жандармским губернским управлениям и Охранным отделениям полиции Российской импе-

³⁹ Улица Воскресенская – современная улица Тукаева в Уфе.

⁴⁰ Северная слобода – ныне центр Советского района города Уфы.

рии, но Егор уже добрался до Швейцарии. Второй участник убийства Богдановича, подавший губернатору листок с приговором, полицией так и не был установлен.

Глава 4

«Зная непочтительность к себе народной массы, и живя, её верою в монархические принципы, нобилитет (то есть буржуазия), старается сохранить монархию, в целях вящего использования её в своих видах, и притом, безнаказанно, со стороны рабочих масс. Попавшись на эту удочку, монархическая власть принуждена играть роль гренадёра на сундуках нобилитета».

Из дневника Зубатова Сергея Васильевича, заведующего Особым отделом Департамента полиции.

Май 1903 года.

Убийство уфимского губернатора Богдановича на несколько дней всколыхнуло петербургское общество. Начались пересуды, но памятуя о бойне устроенной Богдановичем в Златоусте, мало нашлось тех, кто пожалел вслух, убитого губернатора. Через три дня люди вовсе забыли о бедняге Богдановиче.

Однако в министерстве внутренних дел по факту убийства Уфимского губернатора разразилась буря. Оказывается в Департамент полиции за несколько дней до убийства Богдановича, пришла телеграмма из киевского Охранного отделения полиции, в которой сообщалось о готовящемся покушении на уфимского губернатора. Так же агент Раскин⁴¹ докладывал о том, что Гершуни решил готовить покушение на Богдановича. Имея столько информации, полиция не смогла уберечь уфимского губернатора. Скандал разгорелся нешуточный.

15 мая министр МВД Плеве вызвал к себе заведующего Особым отделом Департамента полиции Зубатова.

– Всё экономические теории Сергей Васильевич выдумываете, а бомбисты тем временем убивают верных слуг государя! – с ходу возопил министр, едва Зубатов вошёл в его

⁴¹ Раскин – под этим псевдонимом в отчётах Департамента полиции фигурировал Евно Азеф.

кабинет. Нервно шагая по кабинету, Плеве восклицал: – До каких пор Гершуни будет злодействовать?! Когда, наконец, вы его изловите?!

– Ваше высокопревосходительство, арестовать Гершуни сложное, но вполне исполнимое мероприятие, – спокойно отвечал Зубатов, – однако арестовав его, мы не сможем предъявить в суде достаточно доказательств о его причастности к убийствам. Из всех агентурных донесений на Гершуни, у нас едва наберётся материала для его административной ссылки. Дела это совсем не решит, однако Гершуни станет более осторожен. Он может вообще уехать за границу, где нам его не достать. Гершуни крайне опасен, он гораздо страшнее всех этих бомбистов. Его необходимо обезвредить законным методом, раз и навсегда.

Плеве подошёл к своему столу, взял в руки фотографию.

– Милостивый государь, смотрите, это фотография Гершуни, – министр положил на стол фотографию, – она будет лежать у меня на столе до тех пор, пока полиция его не арестует.

Плеве хлопнул кулаком по столу и крикнул:

– Я видеть этого мерзавца не могу!

Он опять нервно заходил по кабинету, остановившись перед Зубатовым, сказал нормальным тоном:

– Сергей Васильевич, голубчик, поберегите мои нервы.

– Хорошо ваше высокопревосходительство, – поклонился Зубатов, – чтобы доставить вам удовольствие, мы арестуем

Гершуни.

Придя в свой кабинет, Зубатов вызвал старшего помощника делопроизводителя Менщикова.

– Леонид Петрович, немедленно отбейте телеграмму Раскину о встрече завтра в пять часов пополудни, по второму варианту.

– Поверьте, Сергей Васильевич, это происшествие и для меня оказалось сюрпризом, – Азеф выпил рюмку «Мартеля»⁴², – я совершенно точно знаю, что Гершуни направляясь в Уфу, не имел планов совершить акцию.

– Может он вам не доверяет? – спросил Зубатов.

– Вряд ли, – пожал плечами Азеф.

Вчера вечером, разносчик принёс ему телеграмму: «Капитолина Семёновна заболела. Просит вас приехать к ней в Всевожск. Она живёт в доме за номером семнадцать».

Это означало, что Зубатов его ждёт в пять часов вечера в ресторане «Медведь», который находится на Большой Конюшенной улице. Заведение очень хорошее, а было их в Петербурге огромное количество, на любой вкус кошелёк. Если, скажем, лежит у вас в кармане пятьдесят рублей и костюм у вас приличный, тогда милости просим пожаловать в «Медведь», где можно откусать коньяк «Мартель». Правда, цены тут кусаются! Сами посудите: рюмка лимонной водки

⁴² Мартель – сорт французского коньяка, знаменитого коньячного дома Мартель.

пятьдесят копеек, но к ней подаётся бесплатно много всякой закуски, тут тебе салат оливье или красная либо чёрная икра. Но если костюм ваш непрезентабельный, а с деньгами туго, всего несколько целковых⁴³ звенит в кармане, то идите в «Малый Ярославец» на Морской улице, или в «Вену» на улицу Гоголя. Там за два целковых подадут водки и закуски вволю.

Евно Фишлевич Азеф (агент Раскин), любил заведения приличные, потому и встречался с Зубатовым в ресторане «Медведь», к тому же здесь клиентам по желанию предоставляют отдельные кабинеты.

– Гершуни мне доверяет полностью, – ответил Азеф, похвывая папирсой «Осман», – ведь рассказал же он мне о своих планах.

– Что вам сказал Гершуни? – спросил Зубатов.

– Через несколько дней он едет в Киев.

– А где сейчас Гершуни?

– Этого я вам Сергей Васильевич, сказать не могу, – пожал плечами Азеф, – потому как сам не знаю. Из Уфы, он, по моему, перебрался в Москву, однако это сведения неточные.

Распрощавшись с Азефом около семи часов вечера, Зубатов решил, что в Департамент ему идти нет никакого смысла. Но следовало сделать ещё одно дело. Он пешком направился на Садовую улицу. Идя по Невскому проспекту, Сергей Васильевич думал о том, что так занят делами, и даже не

⁴³ Целковый – старинное название монеты достоинством в один рубль.

замечает, какой сегодня прекрасный вечер.

С мая фонари на Невском проспекте зажигались после семи часов вечера. Везде по городу фонари газовые, а на Невском проспекте, электрические. Пока Зубатов был в ресторане, прошёл дождь. Хорош Невский проспект после весеннего дождя! Матово блестят гранитные плиты тротуаров. Глухо стучат копыта лошадей, по деревянным, торцевым плитам мостовых. По тротуару гуляет или спешит по своим делам разнообразная публика. От угла Нежинской улицы и Невского проспекта разбредаются рабочие каретной фабрики Яковлева, они одеты в красные или чёрные косоворотки⁴⁴ и в тужурках⁴⁵, а на голове картуз⁴⁶. Тут же не спеша прохаживаются гвардейские офицеры, причём у гвардейцев-кавалеристов, особым шиком считается таким образом подвешивать саблю, что бы она висела ниже колена. Ножны её волочатся по мостовой, ужасно скрежеща. Но гвардейцы среди дам считаются большими ловеласами, а кавалеристы-гвардейцы ещё большие донжуаны, от того сердца дам учащённо бьются от этого ужасного скрежета. Сами гвардейцы по давней традиции ведут себя развязано и нагло. Это также считает-

⁴⁴ Косоворотка – рубаша с косым воротом. Разрез ворота там, не по центру, а сбоку. Сделано это для того, что бы нательный крест, не выпадал из-под рубахи при работе.

⁴⁵ Тужурка – от французского слова *toujours*, которое переводится как «всегда», «все дни». Повседневная, обычно двубортная, короткая куртка с пуговицами и воротником.

⁴⁶ Картуз – мужской головной убор. Неформенная фуражка с козырьком.

ся у них шиком. Их на Невском проспекте особенно много, потому как делами службы они не слишком утруждены. Армейских офицеров значительно меньше, и ведут они себя более достойно. Самые вежливые из военных считаются флотские, их здесь немного, и они чинно прогуливаются с дамами под ручку. Очень много на Невском проспекте продажных девиц, выискивающих клиентов.

Зубатов, пройдя по Невскому проспекту, свернул на Садовую улицу. Здесь, в полуподвальном помещении доходного дома Кириковой⁴⁷, имел конспиративную квартиру Евстратий Павлович Медников – глава службы наружного наблюдения Департамента полиции.

Зубатов вошёл туда в тот момент, когда Медников принимал доклад от своих агентов. Он хотел прерваться, но Зубатов сказал ему:

– Вы Евстратий Павлович продолжайте, а я подожду, – он уселся на скамейку стоящую у стены.

Таким образом, он и Медников оказались двое сидящими в этой комнате. Филера почтительно стояли вдоль стен, сняв котелки и картузы.

– Елизар Панкратьевич, ну что там твой Филин? – спросил Медников.

– Филин до обеда сидел дома, – хрипло докладывал пожилой филер с пышными, седыми усами, жёлтыми от табака, –

⁴⁷ Доходный дом Кириковой – ныне дом № 88 на Садовой улице Санкт-Петербурга.

потом сходил на Гороховую улицу, поклонялся по городу ни с кем не разговаривал, вернулся домой.

– Может он тебя приметил?

– Обижаете Евстратий Павлович, чай не первый год на службе.

– Знаю, Елизар Панкратьевич, что опытен ты, – усмехнулся Медников, – да ведь и служба наша, как охота на зверя, а тот, как известно нутром опасность чувствует. Ну ладно, что дальше было?

– В четыре часа дня Филин, пошёл в ресторанцию «Палкин», которая на Невском проспекте, откушал водки с кулебякой вместе с Ванькиным сморчком, – старый филер кивнул на своего молодого, светловолосого коллегу, стоящего напротив. Потом спросил: – Вань как звать-то твоего сморчка?

– Веретено, – ответил блондин.

– Так вот, посидел Филин с Веретеном за одним столом, а после пошёл домой, и больше уже не выходил, пока моя смена была.

– Ну, добро, – кивнул Медников, – давай отчёт.

Старый агент протянул листок бумаги, а Медников, просматривая его, обратился к блондину:

– А что Веретено?

– Как и полагается Веретену крутился весь день, – пошутил Ванька, – разъезжал по городу на извозчике, развозил книжки. Да я в отчёте всё указал.

Блондин положил листок с отчётом на стол Медникову. Тот взял его и стал изучать, потом спросил:

– Так ты, стало быть, весь день на извозчике прокатался?

– Так точно-с⁴⁸, – кивнул блондин.

– Ты Иван, никак даже в Тверь съездить успел, – усмехнулся Медников.

– Нет, в Твери я не был, – замотал головой блондин.

– А по деньгам так выходит, – пожал плечами Медников, – сильно загнул ты Ванятко, скидывай полтинник.

– Ваша воля, – развёл руками Иван.

Медников что-то написал карандашом в отчёте Ивана, тот понимал, спорить бесполезно, вычислил его многоопытный Евстратий Павлович.

Закончив принимать доклады агентов, Медников распустил их, и спросил Зубатова:

– Ну что Сергей Васильевич, попьём чайку?

– Можно, Евстратий Павлович, – кивнул тот, присаживаясь к столу. Медников поставил перед ним стакан с чаем и блюдце, а Зубатов пожаловался: – Допёк меня, его высокопревосходительство господин министр. Требуется арестовать Гершуни. Тот вскорости должен объявиться в Киеве.

– Значит мне с моим «Летучим отрядом» отправляться туда?

– И немедля Евстратий Павлович.

Из самых опытных филеров Медников составил особый

⁴⁸ Предлог «с» добавлялся в то время для обозначения почтения к начальству.

«Летучий отряд», который в случае необходимости выезжал в любой город Российской империи, а то и за границу. Агенты этого отряда, даже не зная местности и языка, умудрялись не заметно для объекта наблюдения вести за ним слежку.

– Хотел я господину министру о Женеве доложить, да не готов он слушать, – вздохнул Зубатов, – все думы его Гершуни заняты.

Женева – прекрасный уголок на берегу Женевского озера, окружённый Альпами. Ещё со времён Юлия Цезаря манило сюда чужестранцев. Не случайно именно здесь стали селиться бывшие римские легионеры, по возрасту ушедшие с военной службы.

В начале XX века в Швейцарии было большое количество иностранцев. Так много их не было нигде в Европе. На десять швейцарцев приходилось два подданных другого государства. Среди иностранцев больше всего было русских, а среди тех, в основном преобладали революционеры всех мастей. Приехал в Женеву и Егор Дулебов. До этого он ни разу не покидал пределов родной Уфы. А тут сразу за граница!

В Москве Гершуни снабдил Егора письмом к Екатерине Бреш-Брешковской – «бабушке русской революции». Та жила в Женеве на улице Жак Дальфон в доме №9.

Эта старая народница, а было ей в ту пору пятьдесят девять лет, была одной из самых уважаемых членов партии социалистов-революционеров. Именно она оказала активную поддержку Гершуни при создании им «Боевой органи-

зации».

Бреш-Брешковская познакомила Егора с Верой Михайловной Величкиной, которая долгое время жила в Женеве. Местные женеvцы её все знали, и она под своё поручительство устраивала русских на квартиры. Именно Величкина поручилась за Дулебова перед владельцем пансионата Рене Мораром, что это «благонадёжный молодой человек», и Егор получил маленькую комнату на авеню Май, с полным пансионом. Вскоре вся эсеровская колония Женевы знала, что это именно он застрелил уфимского губернатора Богдановича. Эсеры собирались на квартире Михаила Гоца – одного из лидеров партии.

Хотя у Дулебова был паспорт на имя Николая Агапова, однако, Гоц порекомендовал ему зарегистрироваться в «Бюро по делам иностранцев» под своим именем. В Швейцарии для эмигрантов, у которых не было никаких документов, выдавалось особое удостоверение личности именуемое «Толеранс». Уплатив залог в 1500 франков, владелец этого документа регистрировался в кантоне Женевы. Правда жить можно было только там, и ни в каком другом кантоне.

– Вам Егор просто необходимо научиться стрелять, – говорил ему Михаил Гоц, – завтра мой младший брат Авраам зайдёт за вами. Он отведёт вас к нашему инструктору товарищу Дмитрию.

После нескольких неудачных террористических актов, которые сорвались из-за неумения боевиков обращаться с ору-

жем, Евно Азеф предложил наладить в Женеве курсы боевой подготовки. Инструктором этих курсов назначили Дмитрия Хилкова.

Занятный это был персонаж в русской истории – Дмитрий Александрович Хилков. Аристократ, крупный землевладелец, командир казачьего полка. В сорок лет он увлекся толстовским учением, и раздал все свои земли крестьянам. Тёща заявила, что Хилков сумасшедший, она пытается опротестовать решение Хилкова о безвозмездной раздаче земли крестьянам. Так же она обвиняла Дмитрия в том, что он «воспитывает своих детей в духе противном православной церкви».

Святейший Синод совместно с Департаментом полиции в 1898 году лишают Хилкова родительских прав и высылают за границу. Тот поселился в Швейцарии, в городке Онэ. Здесь Хилков порывает с «непротивленцами-толстовцами», и увлекается идеями социалистов-революционеров. Он сблизается с Михаилом Гоцем. Хилков метнулся от учения графа Льва Николаевича Толстого о «непротивлении злу насилием» к идеям террора. Он начинает обучать боевиков-эсеров военному делу.

В 1905 году Хилков едет в Россию и пытается организовать партизанское движение в Приднепровье. Но лидер партии эсеров Виктор Чернов объявляет «партизанщину Хилкова, дорогостоящим удовольствием для партии». Дмитрия лишают финансовой поддержки, а без неё он сделать ниче-

го не мог. Потерпев фиаско с партизанской войной, Хилков возвращается в Женеву. Он публично рвёт с эсерами, и вообще с революцией. До 1914 года живёт тихо и неприметно. Когда начинается первая мировая война, Хилков пишет письмо лично императору Николаю II, с которым дружил в юные годы. Он просит царя разрешить ему принять участие в защите Родины. По личному распоряжению императора, Хилкова принимают на службу, и дают ему тот самый казачий полк, которым он ранее командовал. Дмитрий Хилков погибнет в самом начале войны, ведя в атаку казачью лаву.⁴⁹ Впрочем, мы дорогой читатель забежали далеко вперёд, давайте вернёмся на авеню Май.

Как было условлено с Михаилом Гоцем, на следующий день в десять часов утра Авраам Гоц пришёл к Егору. Они вышли в коридор из комнаты Дулебова, и столкнулись с маленьким, приземистым господином с бородкой клинышком. Одет он был в поношенный костюм и кепку, (в таких кепках любили ходить местные мастеровые). Этот господин как раз вышел из комнаты, которая была напротив Дулебовской.

– Батюшки Владимир Ильич! – всплеснул руками Авраам. Он поздоровался за руку и спросил: – Давно ли изволили приехать из Лондона?

– Вторую неделю, – слегка картавя, ответил Владимир

⁴⁹ Казачья лава – способ кавалерийской атаки, характеризующийся разомкнутым строем в одну шеренгу. Кавалерийский аналог пехотной цепи. Применялся в основном казаками.

Ильич.

– Ну что ж, желаю успехов в Женеве, – улыбнулся Авраам Гоц, и они с Егором направились к лестнице.

– Это Ульянов, – пояснил Гоц уже на улице, – он социал-демократ и пользуется большим авторитетом в своей партии.

– Какой-то он потасканный, – ответил Егор.

– Эх, брат, дело не в костюме, а в голове! – рассмеялся Гоц. Он продолжил уже серьезно: – Ульянов умнейший человек. Только социал-демократы не добьются своих целей. С царизмом не статейками нужно бороться, а револьверами.

Егор и Авраам шагали по авеню Май, а Владимир Ильич Ульянов вышел на улицу и направился в другую сторону. Он пошёл на улицу Рю де Каруж, или как её звали русские эмигранты: «Каружка». Здесь жило много русских студентов обучающихся в женевском университете. Дом 91-93 на этой улице занимала колония социал-демократов, жили семьями Бонч-Бруевичи, Лепешинские, Ильины и другие эсдеки. Лепешинские открыли общественную столовую на первом этаже дома, тут можно было сравнительно дёшево пообедать. Эта столовая была организована для русских революционеров, у которых было негусто с деньгами.

В ней Ульянов, сидя в компании Владимира Бонч-Бруевича, супругов Пантелеймона и Ольги Лепешинских, Якова Житомирского, пожаловался о разногласиях с Плехановым и Мартовым.

– Мы с Мартовым ещё в Лондоне сцепились, – говорил Владимир Ильич, помешивая чай ложечкой, – там без Плеханова, он со мной справиться не мог, вот и настоял на переводе редакции газеты «Искра» из Лондона в Женеву.

Владимир Ильич отпил чай и продолжил:

– Очень я сожалею, что поддался Мартову в этом вопросе. Ничего хорошего я в Женеве не вижу. От постоянной нерво-трёпки, я лишь болячками покрылся. Наденька⁵⁰, по совету Алексеева⁵¹, смазала мне плечи и руки йодом, однако это мало помогает, – Ульянов поставил чашку с чаем на стол, – прескверное это дело товарищи, драка между своими. Сегодня у меня встреча с Мартовым и Плехановым в кафе «Хандерверха». Будем договариваться о проведение съезда. Пусть партия рассудит наш спор.

Настоящей фамилией Юлия Мартова была Цедербаум. Ещё в 1895 году он вместе с Владимиром Ульяновым создал «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Одновременно они и эмигрировали из России. В то время Ульянов ещё не стал Лениным, и были они с Мартовым большими друзьями. В 1902 году Мартов и Ульянов из Мюнхена перебрались в Лондон. Здесь они создали газету «Искра» для пропаганды идей марксизма среди рабочих

⁵⁰ Наденька – жена Владимира Ильича Ульянова, Надежда Константиновна Крупская.

⁵¹ Алексеев Николай Александрович (1873-1972), член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) с 1897 года. По образованию врач. В эмиграции жил вместе в В.И. Ульяновым (Ленин).

России. Газета печаталась в типографии британских социал-демократов. В Лондоне Ульянов опубликовал брошюру «Что делать». Её он подписал псевдонимом Н. Ленин.

В этой книжке Ленин утверждал, что в России, в условиях самодержавного строя, социал-демократическая партия должна быть строго законспирирована, с жёсткой партийной дисциплиной. Только такая партия сможет подготовить и провести вооружённое восстание в России. Мартов усмотрел в этом наполеоновские замашки Ульянова-Ленина. Он считал, что в партии должно быть больше демократии. Так же Мартов был ярким противником вооружённого восстания. Он настаивал, что Россия, как учил Карл Маркс, должна пройти все стадии: царизм сменит буржуазная демократия, и уже потом пролетарская революция. Это пока были чисто теоритические разногласия, и Ульянов с Мартовым обратились за разрешением своего спора к старейшему русскому марксисту – Георгию Валентиновичу Плеханову. Тот вначале принял позицию Ленина, но потом «качнулся» в сторону Мартова. Вот тогда-то в кафе на авеню Май, и было принято окончательное решение о проведении съезда партии.

Узнав об этом, Яков Житомирский поспешил на улицу Гренвель. В этот момент он очень боялся попасться на глаза своим знакомым. Оно и понятно, здесь находилось консульство Российской империи, а в подвале дома размещалось швейцарское отделение Парижского центра заграничной агентуры Департамента полиции.

В 1897 году Житомирский учился на медицинском факультете Берлинского университета, он был завербован полицией Берлина. В Германии агентуру Департамента полиции Российской империи возглавлял Аркадий Гартинг. Вечерами он частенько играл в карты с полицей-президентом Берлина Карлом Краузе. Гартинг неизменно проигрывал Краузе в карты, чему скуповатый как все немцы, главный полицейский Берлина был рад. Краузе после очередного такого выигрыша, уступил ему своего агента Житомирского. Тот нацелил Якова информировать Департамент полиции о русских социал-демократах, живущих в Берлине. Яков Житомирский близко сошёлся с Владимиром Ульяновым. Последнему, импонировало в Якове то обстоятельство, что он никогда не спорил с ним, неизменно принимая точку зрения Ульянова. Со временем, Житомирский перебрался в Женеву вслед за Ульяновым, и информировал Гартинга обо всех планах социал-демократов. Узнав о проведении съезда РСДРП, Гартингу следовало провести необходимые мероприятия, для чего нужно было выехать в Будапешт.

Аркадию Гартингу не нравился этот город с его унылыми и чопорными обитателями. Так же он никак не мог понять выражение «Голубой Дунай». В различные времена года он с мостов Сеченьи⁵² или Маргит⁵³ смотрел на упругие

⁵² Мост Сеченьи – мост через Дунай в Будапеште. Был построен в 1847 году, по инициативе и при финансовой поддержке, венгерского политика Иштвана Сеченьи.

волны Дуная, и всегда они были серо-зелёного цвета. Однако все эти наблюдения за водами Дуная, привели Гартинга к неожиданному открытию: мост Сеченьи как две капли воды походил на Николаевский мост в Киеве. Не знал Гартинг, что киевский мост в 1850 году строился по проекту моста Сеченьи.

В этот раз, приехав в Будапешт, Гартинг не пошёл гулять по своим любимым мостам, он был ограничен во времени. Гартинг должен был встретиться с заведующим румынской и галицинской агентурой Михаилом Гуровичем. Тому надлежало на границе Российской и Австро-Венгерской империй брать на заметку всех лиц направляющихся из России в Брюссель в июне-июле. Наверняка это будут члены партии РСДРП.

Гартинг после встречи с Михаилом Гуровичем посчитал, что с делами в Будапеште покончил и поехал на вокзал. Гуровичу предстояло сделать в этом городе ещё кое-что. Он отправился на улицу Святой Троицы. Там неподалёку от церкви Святого Матьяша, почти напротив статуи Андраша Ходика, находится цирюльня Ференца Ракоши. В ней работает молодой парикмахер Карл Паукер, весёлый паренёк и знаток множества анекдотов. Именно это его качество – знание великого множества анекдотов, спустя двадцать лет понравится Иосифу Сталину, и тот сделает Паукера начальником

⁵³ Мост Маргит – построен в 1876 году. Мост назван в честь острова Маргит на Дунае.

охраны Кремля. Однако мы отвлеклись.

Карл Паукер был родом из галицинского города Лембург⁵⁴. Он по просьбе Гуревича присматривал там за членами Польской социалистической партии. Члены этой партии тесно сотрудничали с русскими социал-демократами, живущими в Королевстве Польском. В то время королевство Польское входило в состав Российской империи. Среди польских социалистов особые хлопоты Гуревичу доставлял лембургский гимназист Колель⁵⁵ Собельсон. По просьбе Гуревича, Карл Паукер завёл приятельские отношения с Собельсоном, но тот неожиданно перебрался в Краков. В свою очередь Карл Паукер уехал в Будапешт и устроился учеником парикмахера.

– Ты прогрессируешь Карл, – заметил Гуревич, сидя в кресле. Улыбнувшись, он объяснил: – Прогрессируешь как парикмахер. Сегодня ты ни разу меня не порезал.

– Совершенствуюсь, – скромно ответил тот, вытирая остатки мыльной пены со щёк Гуревича. Убрав полотенце, он спросил: – Кельнской водой sprysnut'ь?⁵⁶

– Пожалуй, – согласился Гуревич. Дождавшись, когда Карл закончит его причёсывать, он протянул пятьдесят крон

⁵⁴ Лембург – современный город Львов на Украине.

⁵⁵ Колель Собельсон – будущий советский политический деятель Карл Радек.

⁵⁶ В 1709 году в Кёльне парикмахер Иоганн Мария Фарина изобрёл парфюмерное средство и назвал его «Кельнская вода». На французский лад «Кельн» звучит как «Колон», вода: «Оде». Отсюда «Одеколон».

и спросил: – Приятель твой, Колель Собельсон не появлялся? Как объявиться, дай мне знать. Сдачи не нужно.

– Спасибо господин Гуревич, – карл Паукер спрятал курюру в карман жилетки. Он посмотрел в окно и воскликнул: – Ты смотри-ка, он оказывается офицер!

По тротуару мимо окон цирюльни прошёл капитан армии Австро-Венгрии.

– Что тебя так удивило Карл?

– Понимаете, господин Гуревич, – пояснил Паукер, – этот слащавый господин в приятельстве с одним моим, не слишком хорошим знакомым, Адорджаном Ковалем.

– Чем же твой приятель Коваль не хорош?

– Этот самый Коваль торгует одним своим местом, – рассмеялся Паукер, – а я слышал, среди офицеров армии Австро-Венгрии содомский грех сильно порицается.

– Наверняка Карл ты ошибся на счёт этого господина, – задумчиво произнёс Гуревич. Он узнал того капитана, это был офицер Эвиденцбюро⁵⁷ Генерального штаба Австро-Венгерской армии Альфред Редль. Гуревич взял Карла за краешек жилетки и тихо сказал: – Карл, я не хочу, что бы у тебя были большие неприятности, потому, не вздумай болтать про этого капитана.

– Понял, – со страхом прошептал Паукер.

Карл Паукер был прав, гомосексуализм в армии Австро-Венгрии порицался. В уголовном уложении этой импе-

⁵⁷ Эвиденцбюро – управление военной разведки Австро-Венгерской армии.

рии, как в прочем и в других империях: Российской и Германской, гомосексуализм был уголовно наказуем. Если станет известно о содомских наклонностях капитана Редля, ему грозили, суд офицерской чести и позорное увольнение.

«Дело это не по моей части, – подумал Гуревич, – хотя, оставляя его без внимания нельзя. Сообщу о нём Константину Павловичу. Эта информация его точно заинтересует».

В молодости, Михаил Гуревич, баловался вольнодумными идеями и состоял в «Общестуденческом союзе», за что в 1888 году был выслан под гласный надзор полиции в Сургут. В 1889 году он был отправлен в Якутск, для отбывания воинской повинности. Через год он становится осведомителем полиции. В 1890 году Департамент полиции организует ему разрешение поселиться в Москве, где он был тайным агентом Охранного отделения полиции. В 1901 году о связях Гуревича с Охранкой становится известно революционерам, и как от тайного агента, от него уже не было проку. Гуревич официально поступает на службу в Департамент полиции.

Год он проработал в Петербурге в Особом отделе под началом Менщикова, а в начале 1903 года Зубатов перевёл его руководить заграничной агентурой в Румынии и Галиции. Раньше Гуревич никогда и за границей-то не был, а тут такая хлопотная должность – руководить заграничной агентурной сетью Департамента полиции. Большую помощь ему оказал русский консул в Лемберге Константин Павлович Пустошкин, опытейший дипломат. Ему и решил Гуревич передать

информацию о капитане Редле.

Уроженец Самарской губернии Константин Пустошкин ещё в свой первый приезд, будучи гимназистом, был очарован Киевом. Это было тридцать пять лет назад. Гуляя по улицам Киева, он совмещал историю с реальным местом развития событий: вот здесь на Старокиевской горе было капище бога Перуна⁵⁸, а рядом с Киевом в селе Жуляны, святилище богини смерти Жели, вот тут на улице Почайнинской, где в старину протекала речка Почайка, князь Владимир⁵⁹ крестил киевлян.

«Тут у нас кругом святые места, – сказал двоюродный брат, пятнадцатилетний Пётр Сорокин. Затем он рассмеялся, проводил взглядом проходящую мимо красавицу и добавил: – Киев, город святости и блуда».

Ах, эти красавицы, черноокие хохлушки! Ни одна женщина не может так завлекательно вилять бёдрами как они. Да Киев в семидесятые годы XIX века действительно был местом святости и блуда. Причём два эти совершенно противоположных понятия тут мирно уживались рядом.

Местность вокруг Печорской Лавры⁶⁰ зовётся Кресты.

⁵⁸ Капище бога Перуна – пантеон славянского, языческого бога Перуна, где приносились жертвы.

⁵⁹ Вопреки всеобщему представлению, Владимир «Креститель Руси», киевлян крестил не в Днепре, а в речке Почайка.

⁶⁰ Печорская Лавра – один из первых православных монастырей, основанных на Киевской Руси.

Облюбовали Кресты местные проститутки. Однако тут любовь не выставлялась цинично на продажу как у парижских куртизанок на площади Пигаль. В Крестах всё было как-то по-семейному. Жрицы любви носили национальные костюмы, были они столь благочестивы, что принимали клиентов только до второго утреннего звона с Лаврской колокольни, то есть до восхода солнца.

Мужчины к посещению куртизанки так же подходили очень ответственно, полдня просиживали в цирюльне, прихорашиваясь. Кроме денег для оплаты услуг проститутки, мужчина брал с собой: колбасу, сало, водку. Принимающая куртизанка готовила обед, потом они с клиентом ели и предавались любви.

На Андреевском спуске⁶¹ работали публичные дома, тут в общих залах было как в ресторации, пели цыгане. Самое роскошное заведение находилось напротив Андреевской церкви. Существует предание, что апостол Андрей Первозванный воздвиг на месте этой церкви свой крест, в ознаменовании обращения земли киевской в веру Христову.

Посетителями этих борделей в основном были студенты и офицеры. Из-за девиц здесь частенько вспыхивали драки, порою перерастающие в настоящие баталии. Одно из таких побоищ между студентами и офицерами оказалось особенно кровавым. Тогда студентов было больше, и они отлупили офицеров, выкинув их из всех заведений на Андре-

⁶¹ Андреевский спуск – одна из центральных улиц Киева.

евском спуске. Серьёзно пострадали несколько офицеров, их пришлось лечить в лазарете. Разгневанный этим обстоятельством генерал-губернатор Киевской губернии, приказал бросить в казематы некоторых студентов, зачинщиков драки. В ответ их товарищи объявили забастовку, они прекратили ходить на занятия, и заперлись в борделях. Губернатор сдался и выпустил студентов.

В 1870 году на Андреевском спуске поближе к Андреевской церкви, поселился академик Петербургской академии наук Андрей Муравьёв. Благочестивый старичок искал тишины на пути к Богу, по этой причине он и купил особняк на Андреевском спуске. Но какой может быть покой в окружении публичных домов?!

Воспользовавшись своим личным знакомством с императором Александром II, академик добился, чтобы публичные дома убрали с Андреевского спуска. Бордели перевели поближе к студентам в Латинский квартал⁶². Теперь жалоб на бордели ни от кого не поступало. Однако в 1876 году там случился казус: киевский губернатор Гудим-Левкович умер в трудах на ненасытной жрице любви Сонечке Головки. Разгорелся сильнейший скандал и бордели решили убрать за город.

Вот тут случился второй казус: мещане, живущие в Ямской слободе в открытом письме, опубликованном в газете

⁶² Латинский квартал в Киеве – район современных улиц: Шота Руставели, Жилянского, Эспланадная.

«Киевлянин», просили губернские власти разместить бордели у них в слободе. Мотивировали они свою просьбу тем, что Ямская слобода нуждается в доходах. Власти пошли навстречу общественности, так и появился знаменитый киевский квартал «красных фонарей» под названием: «Яма». Весьма любил его посещать писатель Александр Куприн, написавший знаменитую повесть: «Яма».

В девяностых годах Киев становится индустриальным городом. В 1892 году здесь пустили первый в Российской империи электрический трамвай. В город, надеясь найти работу, хлынул народ со всех уголков Российской империи, естественно перебрались сюда и девицы лёгкого поведения из Одессы, Николаева и из соседних деревень. Вот тогда-то и исчезла та атмосфера флирта, которой славился Киев, осталась одна продажная и циничная любовь.

Однако не перевелись пикантные места в Киеве. Одним из таких был салон мамыши Гинди. История мамыши Гинди печальна и поучительна для некоторых мужчин: жил в Киеве богатый купец Мендель, имевший красавицу жену. Не раз местные ловеласы пытались завести интрижку с Анной Мендель, но никто не добился успеха, ибо красавица-купчиха была верна своему мужу.

Всё изменилось в один миг: Анна Мендель узнаёт, что её муж частый гость борделей. Она решается на месть и поступает на работу в публичный дом, став самой популярной куртизанкой Киева. От такого позора её муж бежал из Киева,

но на чужбине не смог пережить горя и умер. Анна Мендель став богатой вдовой, бросать своего занятия не захотела. Она основала публичный дом, в котором клиентов обслуживали не безграмотные крестьянки, а образованные дворянки и жёны чиновников. Девицы у мадам Гинди работали не за кусок хлеба, а от любви к своей профессии. Салон мамыши Гинди славился «любовным искусством» тамошних девиц по всей Российской империи. Сама мамыша Гинди имела бешеный успех среди высшего мужского общества, и открыла множество филиалов своего салона. Нет не зря писатель Куприн, звал Киев той поры: «Сплошной бордель».

Всё же, как не критично был настроен к Киеву Петруша Сорокин, его двоюродный брат Константин Павлович Пустошкин любил приезжать в этот город.

– Я, конечно, понимаю, ты живёшь в просвещённой Европе, – говорил Петруша Сорокин, когда они вышли из дома и шагали по Прозоровской улице⁶³, – но и у нас, кое-что имеется. Сегодня в «Шато де Флер»⁶⁴ играет свои цыганские напевы Пабло де Сарсате⁶⁵.

– Я большей частью живу в Румынии, а это самое захолустье Европы, – улыбнулся Пустошкин.

⁶³ Прозоровская улица – современная Эспланадная улица в Киеве.

⁶⁴ «Шато де Флер» – нижняя часть Царского сада в Киеве. Там находились: летняя концертная площадка, ресторан, пивная, танцевальный зал. Ныне на этом месте расположен стадион «Динамо».

⁶⁵ Пабло де Сарсате – (1844-1908), испанский скрипач и композитор.

– Ну вот и славно, следовательно ты не пожалеешь о потерянном времени. Мы пообедаем в ресторане, а затем насладимся скрипкой великого испанца. А вот, кстати, и извозчик.

Сорокин с Пустошкиным подошли к извозчицкой коляске, на козлах которой сидел здоровенный детина с окладистой бородой.

– Милейший, довези-ка нас до «Шато де Флер», – сказал Петруша, усаживаясь в коляску.

– Не могу барин, уже заказан, – ответил извозчик.

– Полтинник даю, поехали, – настаивал Сорокин.

– Рад бы барин за такие деньги услужить вам, да человека подвести никак не могу, – вздохнул детинушка, – он на меня надеется. Мамзель у него тут. Пока значит, мужа её нет, голубки милуются. Случай чего выйдет, а меня на месте нет. Нехорошо барин.

– Шерше ля фам, – рассмеялся Петруша, вылезая из коляски, – пойдём Костя, поищем другого извозчика.

Пустошкин и Сорокин пошли дальше по тротуару, а спустя минуту, в коляску детины, уселся Евстратий Медников.

– Ну что Павлуша? – спросил он.

– Пока сидит там Евстратий Павлович, – ответил извозчик, – больше часу он там, а я примелькался здесь, уже трём клиентам отказал.

– Вон как раз Осип подошёл, а ты Павлуша езжай потихоньку, – похлопал Медников по спине извозчика.

Служба наружного наблюдения Российской империи в то

время была лучшей в мире. Сделал её таковой Евстратий Павлович Медников. Из самых опытных агентов он создал особый «летучий» отряд, с которым ездил по городам России, выезжая порою и за границу. Агенты в «летучем отряде» были асами своего дела, способные даже на пустынной улице, вести наблюдение за объектом так, что ему даже и в голову не придёт, что за ним следят.

Получив от Зубатова указание найти и задержать руководителя боевой организации эсеров Гершуни, Медников со своим «летучим отрядом» выехал в Киев. Здесь агенты Медникова раздобыли несколько извозчичьих экипажей, и установили наблюдение за всеми известными Охранному отделению Киева членами партии эсеров. Однако ничего пока о приезде Гершуни установить не смогли.

10 мая ротмистр Спиридович, совсем недавно назначенный начальником Киевского Охранного отделения полиции, встретился на конспиративной квартире, находящейся на Прорезной улице, с Медниковым.

– Евстратий Павлович, агентурным путём установлено, что в Киеве живёт некая англичанка Алиса Ллойд, – сообщил ротмистр, – она даёт уроки английского языка. На адрес госпожи Ллойд из Женевы поступают письма от эсеров, та передаёт их одной из своих учениц, по фамилии Рейнбот. Мамаша у этой барышни состоит в нелегальном «Красном кресте», помогает политическим заключённым.

– Благое дело, – кивнул Евстратий Медников.

– Сама мадам Рейнбот, будучи женой члена Петербургского окружного суда, в меру сил пособляет революции.

– Чем только Александр Иванович, люди от скуки и безделья не занимаются, – вздохнул Медников.

– Далее эти письма мадам Рейнбот передаёт в лечебницу на Бессарабском базаре, фельдшерице Рабинович.

– Эко Александр Иванович, как длинно вы рассказываете, – рассмеялся Медников, – вы бы ещё с сотворения мира начали.

– Я лишь Евстратий Павлович, хотел одного, – поморщился Спиридович, – что бы от вас не ускользнула цепь моих рассуждений.

– Хорошо, я вас понял. Так что же эта фельдшерица Рабинович?

– Да не в фельдшерице дело, – махнул рукой ротмистр, – я хотел пояснить, каким путём мы выследили комитет эсеров.

– Простите великодушно Александр Иванович, за мои глупые насмешки, – вздохнув, сказал Медников.

– Мы внедрили туда нашего агента, по кличке «Конёк», – кивнул головой Спиридович, давая понять, что извинения приняты, – вчера этот самый Конёк, сообщил, что получена телеграмма, которая всех взволновала. Но содержания её Конёк не знает.

– Тогда пустой номер, – махнул рукой Медников, – сейчас на телеграфах стоят аппараты Юза, там лента телеграммы наклеивается на бланк и передаётся адресату. Никаких

копий от неё не остаётся.

– Евстратий Павлович, нельзя же к делу так казённо подходить! – рассмеялся Спиридович. Он похлопал Медникова по руке и продолжил: – Для нас это не преграда.

Спиридович открыл свою папку и сказал:

– Поехал я на телеграф, начальником там милый старичок, и он обещал мне помочь. Затребовал служебное повторение этой телеграммы. Вот оно, – ротмистр протянул бланк телеграммы Медникову, тот прочитал:

– «Папа приезжает завтра. Хочет повидать Фёдора Дарнищенко», – он вернул бланки ротмистру.

– Фёдором Дарнищенко, они вероятнее всего зашифровали железнодорожную станцию Дарницы, – предположил ротмистр Спиридович.

– Александр Иванович, раз такое дело, то у нас совсем мало времени, – ответил Медников, – а мне ещё людей на этой станции расставить нужно.

Ровно через час были выставлены агенты на станциях: «Киев-первый», «Киев-второй» и «Дарницы». Усиленно наблюдение за всеми киевскими эсерами. На это дело Спиридович собрал всех, даже своих канцеляристов выставил наблюдателями на улицы.

13 мая в восемнадцать часов Гершуни был обнаружен, когда вышел из вагона на станции «Киев-второй». С этого момента его взяли под плотную опеку агенты Медникова.

– Александр Иванович, птичка в силках крепко сидит, –

предложил Медников, – никуда ему от моих людей не вырваться. Пусть мои филеры ходят за ним несколько дней, выявят все связи эсеров.

– Ни в коем разе! – замахал руками Спиридович. Он успокоился и продолжил: – Меня министр каждый день телеграммами бомбардирует. Всё интересуется, когда мы Гершуни арестуем.

– Ну как знаете Александр Иванович, – кивнул Медников, – в таком разе нам в Киеве больше делать нечего. Теперь вы и своими силами управитесь.

Узнав об аресте Гершуни, Зубатов заявил:

– Столько сил потрачено из-за какой-то ерунды. Сошлют Гершуни под административный надзор, он сбежит за границу и продолжит своё дело. А так, пока он был непуганый, мы бы потихоньку собрали доказательства для суда, и пошёл бы Гершуни на вечную каторгу, а то и на виселицу. Эхе-хе, любят у нас решетом воду черпать!

Глава 5

«Ужель не ведомы вам даже:

Фасет Казанских колоннад?

Кариатиды Эрмитажа?

Взлетевший Пётр и «Летний сад»?

Ужели вы не проезжали,

В немного странной вышине,

На старомодном «Имперiale»,⁶⁶

⁶⁶ «Имперiale» – в начале XX века, по Петербургу курсировали так называемые

По Петербургской стороне?»

*Николай Агнивец⁶⁷ из стихотворения: «Вдали от тебя
Петербург».*

«конки». Это был вагон, стоящий на рельсах, который тянули лошади. Второй этаж в этом вагоне, стоил дешевле, чем первый, и звался: «Империал».

⁶⁷ Николай Яковлевич Агнивец – (1888-1932). Русский поэт «Серебряного века».

Май – июль 1903 года.

Многолик и суетлив Петербург – столица Российской империи. Шумит большой город, но в зависимости от времени суток, всегда по-разному. В семь часов вечера особенно оживлённо на окраинах: на Невской, Московской и Нарвской заставах, на Выборгской стороне. Гудят фабричные гудки, возвещая об окончании долгого рабочего дня. Толпы мастеровых тянутся от фабрик и заводов, по пыльным и немощёным улицам. Кто-то по пути заглядывает в портерную⁶⁸ или трактир, большинство же прямым ходом идут в бараки, к себе домой.

К девяти часам вечера жизнь в рабочих слободках затихает, завтра вставать в шесть утра и опять на работу. Отдыхают люди лишь в редкие церковные праздники. Тихо в рабочих слободка поздним вечером, разве что подгулявший пьяница, своей песней нарушит тишину, или внезапно вспыхнувшая пьяная драка. Однако всё быстро умолкает. Сюда редко заходят городовые, только когда бастуют рабочие.

На Невском и Литейном проспектах, после девяти вечера жизнь начинает бурлить. Народу полным-полно, и естественно много городовых. Кого здесь только не увидишь: офицеры гвардии выискивают проститутток, с которыми можно провести ночь, фланирует «золотая молодёжь»,

⁶⁸ Портерная – пивная.

дети богатых купцов и родовитых сановников. Эти громко спорят между собой, где проведут вечер: в «Дононе», «Контане» или «Медведе», самые богатые рестораны города ждут своих посетителей. В них есть отдельные кабинеты, где можно уединиться с девицами, обладательницами «жёлтых билетов». ⁶⁹ Таких барышень в эту пору здесь много. Одеты они, как правило, очень хорошо, и отличить этих девиц от порядочных дам, крайне сложно. Впрочем, что делать порядочной даме в это время на Невском проспекте?! Если уж случилась нужда выйти в такую пору, то не пойдёт она одна, без сопровождавшего её мужчины. Коли такового нет, то поедет на извозчике.

На Невском проспекте, собирается не слишком старая публика. Господа возрастом постарше подъезжают на улицу Владимирскую, которая находится неподалёку от Невского проспекта. На этой улице в Приказчиьем клубе, который впрочем, более известен как Владимирский клуб, собираются богатые купцы, фабриканты и чиновники. Это любители азартных игр.

Шум и гомон на центральных улицах Петербурга продолжается до четырёх часов утра, а потом постепенно затихает. Пусто становится в центре Петербурга, лишь один или два извозчика, дремлющих на козлах, и поджидающих загуляв-

⁶⁹ «Жёлтый билет» – специальное удостоверение личности, выдаваемое, проституткам, взамен изъятых у них паспортов. Печаталось это удостоверение на бумаге жёлтого цвета, отсюда и название. В «жёлтом билете» указывались даты прохождения медицинских обследований.

ших клиентов, да городской, дежурящий в ночную смену, и притулившийся возле афишной тумбы. Город засыпает.

Но ненадолго, всего лишь на пару часов. В шесть часов утра, заголосят тоскливо и унывно фабричные гудки, возвещая рабочему люду, что пора вставать на смену. Поплутутся сонные и угрюмые мастеровые в свои цеха. В восьмом часу начнёт пробуждаться остальной город: застучат копытами по мостовой извозчичьи лошади, заскрипит железными колёсами по рельсам конка, а приказчики начинают открывать свои лавки и магазины.

В девять часов бегут по улицам гимназисты, учащиеся реальных училищ⁷⁰ и студенты. Ходят с большими сумками почтальоны, снуют туда-сюда посыльные, кухарки с корзинками идут за провизией на рынок или в лавку. Около десяти часов дня в скверы и на бульвары выходят на прогулку со своими питомцами гувернантки, а так же шествует в присутствия чиновничья братия.

Если рабочие работают по двенадцать, а порой и по четырнадцать часов в сутки, приказчики по десять, то служащие банков имеют восьмичасовой рабочий день. Чиновники на государственной службе работают не более шести часов, а иногда и меньше. Чиновник самого низшего, четырнадцатого класса, получает жалование значительно ниже, чем ка-

⁷⁰ Реальное училище – среднее учебное заведение, в котором обучались лица низших, не дворянских и купеческих сословий. В реальном училище, наряду со средним образованием, приобретали какую-либо специальность. При наличии средств, можно было продолжить обучение в университете или институте.

кой-то письмоводитель в банке или акционерном обществе. Но зато чиновник, прослужив, двадцать пять лет, имеет право на пенсию. Всякий чиновник мечтает о пенсии, но только тот, кто чином не дорос до коллежского советника⁷¹. Кто стал коллежским советником или рангом выше, на пенсию уже не торопится. С государственной службы их, как правило, отправляются прямиком на кладбище.

Жизнь у чиновника высокого ранга хорошая. Встают они по обыкновению, часов в девять или десять. Пьют кофе с французской булкой или розанчиком, и отправляются на службу. В присутствии, такой столоначальник вначале выслушает все сплетни и новости, а потом пойдёт в буфет попить чайку или позавтракать.

В четыре часа присутствие заканчивает свою работу, а чиновничья братия расходится по домам и трактирам. Столоначальник едет в ресторан обедать. Дальше по обстоятельствам: либо ведёт жену в театр, или едет перекинуться в картишки во Владимирский клуб.

Один из таких столоначальников, а именно старший контролёр Государственного дворянского земельного банка Сергей Фёдорович Светлов, напившись в буфете чаю, стоял у окна своего кабинета и смотрел на залитую солнцем Адмиралтейскую набережную. Светлов размышлял о том, где в

⁷¹ Коллежский советник – чиновник шестого класса. Всего согласно о «Табели о рангах» было четырнадцать классов. Самый низший, четырнадцатый. Гражданский чин коллежского советника, соответствовал чину полковника в армии.

этом году снять дачу на лето. Можно поехать на Выборг, и там, в Удельном или в Озерках снять домик. А может лучше уехать дальше за Белоостров, в Репино или Солнечное?

Задумчиво смотрел Светлов на набережную, а там в этот час почти никого не было, лишь в одиночестве брёл по своим делам какой-то священник. В Петропавловской крепости бухнула пушка, и Светлов достал из кармана жилетки часы. Это одна из традиций Петербурга, в полдень стреляет пушка, и все у кого есть часы, сверяют их. Тут же заунывно загудели фабричные гудки, оповещающие мастеровых, о начале обеденного перерыва.

По всей видимости, у батюшки часов не было, потому как он, посмотрев на отливающий желтизной диск солнца на голубом небе, пошёл своей дорогой. Священника этого звали Георгий Гапон, он был родом из Полтавы. Через полтора года его назовут провокатором, повинным в трагедии «Кровавого воскресенья» произошедшей девятого января. Однако правда ли это?!

Гапона нельзя назвать провокатором. Да это был человек подверженный страстям, часто ошибающийся, но всегда честный. И если уж заблуждался, то искренне. Порядочность у Георгия Гапона была в крови. Его отец Аполлон Фёдорович, тридцать пять лет был волостным писарем. Место это «хлебное», за счёт подношений и взяток можно жить безбедно. Однако Аполлон Гапон мздоимства себе не позволял, потому жил небогато.

Его сынишка Георгий своим умом и сообразительностью, ещё в семь лет обратил на себя внимание священника обучающего детей в церковно-приходской школе. Он уговорил Аполлона отдать учиться сына на священника. Кстати, мальчик с раннего детства был очень религиозен.

Окончив Полтавское духовное училище, Георгий поступил в Полтавскую духовную семинарию. Вот тут у Георгия и произошёл первый духовный надлом, он заметил несоответствие евангелистских проповедей его духовных отцов с их реальной жизнью, они не отказывали себе в плотских утехах. Гапон стал дерзить учителям, бунтовать, но «бури в стакане» не случилось. Один из преподавателей Гапона по фамилии Трегубов, познакомил Георгия с запрещёнными книгами Льва Толстова. Тут Георгия осенило: его противоречия между религией и жизнью легко разрешаются, ибо суть религии, не во внешних формах, а в духе. Не в дотошном соблюдении обрядов, а в искренней, бескорыстной любви к ближнему.

Открывши для себя эту истину, Гапон не стал держать её взаперти в душе своей, а начал делиться с окружающими. В семинарии процветало доноительство, и взгляды нового толстовца быстро стали известны семинаристскому начальству. Гапона решили припугнуть, пообещав лишить стипендии, но строптивый семинарист сам отказался от неё, а своим убеждениям не изменил.

Лишившись стипендии, Гапон занялся репетиторством, и

оказался столь хорошим педагогом, что в округе о нём пошла добрая молва. Однако Гапон занимался не только репетиторством, он стал помогать бедным и больным. Начались его пропуски в семинарии, и как результат: «неуд» по поведению и диплом второй степени. С таким дипломом дорога в священники для Георгия Гапона была закрыта. Он стал задумываться о том, что бы подыскать себе какое-либо занятие в миру, и тут влюбился. Его избранница была из богатой купеческой семьи. История не сохранила имени этой девушки, но именно она убедила Гапона, что его призвание в «служения Христу, который и есть идеал служения человечеству».

Родители девушки наотрез отказались выдавать дочку за нищего Гапона. На выручку пришёл архиерей Илларион, который уважал Георгия за его честность. Он предоставил ему место священника в кладбищенской церкви Полтавы.

В 1894 году молодые обвенчались, а было в ту пору Георгию двадцать четыре года. В церкви Гапона прельщала возможность помогать нуждающимся людям. Но семейное счастье у Георгия было недолгим, его молодая жена внезапно умирает. Горе Георгия было огромно, а тут ещё другие священники, недовольные тем, что проповеди Гапона очень популярны в городе, а это уменьшает количество прихожан у них, настояли на том, что бы лишить Георгия прихода. После этого Гапон в Полтаве оставаться не мог, и перебрался в Петербург. Он собирался поступить в Петербургскую духовную академию.

Владыко Илларион и уважаемые горожане Полтавы, которым полюбились проповеди Гапона, снабжают его рекомендательными письмами, и он едет в Петербург. Став студентом Духовной семинарии, Георгий Гапон делает много попыток «служения народу», но все его действия, самого же его и не удовлетворяют. Только попав в приют Синего креста, он находит то, что искал. Гапон преподаёт Закон Божий в Ольгинском приюте для бедных, но этого ему мало, и он посещает пристанища босяков на Гаванских и Девичьих полях. Ходит по ночлежкам и трактирам, помогает бедным и отчаявшимся словом и делом. Подчас он отдавал нуждающимся людям свои последние деньги, снимал с себя одежду.

В это же самое время Гапон знакомится с отцом Иоанном Кронштадтским,⁷² однако быстро разочаровался в нём. Гапон считал Иоанна Кронштадтского таким же ханжой, как и большинство священнослужителей. В отличие от Иоанна Кронштадтского, своей целью Гапон считал служение людям, а не Христу. В самом Иисусе Христе, он видел человека, отдавшего всего себя в служение людям, а отнюдь не Бога. Этих взглядов Георгия Гапона никакой священник потерпеть не мог.

В своих проповедях Георгий упирал не на божественную сущность Христа, а на его подвижничество, он призывал к этому же своих слушателей. Гапон пытается создать «брат-

⁷² Иоанн Кронштадтский – Иван Ильич Сергеев (1829-1909). Настоятель Андреевского собора в Кронштадте.

ство рабочих», что бы люди: «попали в лучшие условия и обрели себя». Благодаря своим делам, Георгий Гапон становится популярным среди рабочих, и естественно попадает в поле зрения Департамента полиции.

Но грешен человек и подвержен страстям! Благие дела и подвижничество это духовное, а плоть требует своего, не считается она с чистотой наших помыслов. Не всякому удаётся усмирить её. Не смог этого сделать и Георгий Гапон. Роптала его плоть в те часы, когда он читал Слово Божие молоденьким девушкам, воспитанницам Ольгинского приюта. Не устоял отец Гапон, пошёл на поводу у своих страстей. Летом 1902 года соблазнил он шестнадцатилетнюю воспитанницу приюта Сашеньку Уздалёву. Когда всё вскрылось, Гапон был изгнан из приюта, и запахло лишением сана. Сашенька считалась несовершеннолетней.

Тут ему на помощь пришёл Сергей Васильевич Зубатов, только что назначенный на должность заведующего Особым отделом Департамента полиции. Он решает вопрос с Петербургским митрополитом Антонием. Гапон прощён, его сан сохранён, и более того, ему даже разрешено жить с Сашенькой Уздалёвой как с гражданской женой.

Ещё работая в Москве, Зубатов имел опыт создания рабочих организации для ограждения рабочих от влияния революционеров. Этим же он решил заняться в Петербурге, именно для этих целей и нужен был ему Георгий Гапон. Целью Гапона так же было создание рабочих организаций, но

сотрудничество с полицией, тогда он для себя считал недопустимым. Однако в благодарность за помощь Зубатова в решении своих личных проблем, дал слово помогать ему.

Министр МВД Плеве прохладно отнёсся к идеям Зубатова, но великий князь Сергей Александрович был хорошего мнения о его деятельности в рабочей среде. Он часто хвалил Зубатова в беседах с царём, и Плеве как опытный царедворец, решил поддержать Зубатова. Однако он хотел лично поговорить с Гапоном. Тот на аудиенции у министра МВД уловил противоречия между Плеве и Зубатовым. Гапон решил сыграть на этом.

Дорогой читатель, пока мы рассматривали жизнь Георгия Гапона, он благополучно добрался от Адмиралтейской набережной до Фонтанки, а путь его лежал в Департамент полиции, где его ожидал Зубатов.

– Батюшка Георгий, проект вашего «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», который вы в апреле сего года подали градоначальнику, до сих пор ожидает его решения, – сообщил Зубатов, – однако хотел бы вам признаться, что со многими положениями этого документа я не могу согласиться. Вы батюшка ездили в Москву, ознакомились с работой тамошнего общества рабочих, однако мало что почерпнули из этой поездки.

– Какой прок черпать из затхлой лужи?! – усмехнулся Гапон. Он поправил крест на груди и продолжил: – В Московском обществе рабочих смердит от доноительства в по-

лицию. Какую помощь оказывает тамошнее общество рабочим? Едва на собрании возникнет насущный для рабочих вопрос, как того кто задал его, арестовывают. И вы хотите, чтобы после этого вам доверяли рабочие?!

– Никто не против острых вопросов, – Зубатов поморщился как от зубной боли, – однако не нужно подменять их революционной демагогией.

По существу Зубатову как царскому чиновнику было наплевать на нужды рабочих. Он лишь хотел с помощью созданных полицией рабочих движений, обезопасить существующий строй от потрясений. Гапон же искренне пытался помочь людям, и в этом было их основное противоречие. Но при этом оба совершенно искренне верили, что при существующем строе, можно облегчить положение людей. Пройдёт немного времени, и сначала Зубатов, а потом и Гапон разочаруются в своих взглядах. Один отойдёт в сторону, а другой окажется в гуще событий, которые послужат толчком к крушению Российской империи.

– Познакомился я с вашим Афанасьевым, председателем московского общества, – усмехнулся Гапон, – живёт в роскошных апартаментах, имеет слугу. И это рабочий! Нет, Сергей Васильевич, это не тот путь, по которому следует идти. Единственно верный путь, идя по которому можно улучшить положение рабочих, это путь который прошли рабочие в Англии. Необходимо создание независимых профессиональных союзов.

– Вы говорите совершенную ересь отец Георгий! – хлопнул ладонью по столу Зубатов. Он посмотрел в глаза Гапону: – Уж, не от своего ли дружка Александра Карелина, нахватались вы социалистических идей? Где вы с ним познакомились?!

– В чайной общества трезвости на Васильевском острове.

– А вам известно отец Георгий, что он социал-демократ? Состоит на учёте в полиции с 1897 года, когда стал членом марксистского кружка Брунсёва? Такие люди в вашем обществе крайне вредны!

– Мы не можем отторгать от себя людей, только потому, что они состоят на учёте в отделе полиции как неблагонадёжные, – покачал головой Гапон. – Если в нашем обществе, будут только люди наподобие вашего агента Ильи Соловьёва, кто же поверит мне?

«Как с такими убеждениями, он смог убедить Плеве?!» – удивился Зубатов.

Долго ещё после ухода Гапона думал о нём Зубатов, прежде чем вспомнил, что в пять часов вечера у него встреча в ресторане «Весна».

Для своих конспиративных встреч с агентами Зубатов частенько выбирал рестораны и трактиры. Если сноб Азеф предпочитал фешенебельные «Донон», «Контан» или «Кюмба», то такой непритязательный агент, как печатник Быков, любил рестораны средней руки, наподобие «Самарканда», который находится на Чёрной речке.

Зубатов знал предпочтения всех своих агентов и строго следовал им. Однако когда он встречался не по служебной необходимости, то предпочитал ресторан «Весна», который находится на Малой морской улице. Это заведение нравилось Зубатову за атмосферу. Там никогда не было буйных купеческих загулов, а собиралась вся интеллигенция Петербурга: литераторы, художники, артисты, адвокаты.

Сегодняшний его компаньон на вечер, Пустошкин Константин Павлович – дипломат, умница и хороший собеседник.

– Признаться, Константин Павлович, озадачил ты меня своей просьбой, – Зубатов выпил рюмку водки, и закусил бутербродом с икрой.

– А к кому же, как не к полицейскому мне обращаться за советом в столь щекотливом деле, – пожал плечами Пустошкин.

Как выяснилось, в Петербург Пустошкин приехал именно для встречи с Зубатовым. Он рассчитывал получить совет и помощь в одном своём служебном деле: один из высокопоставленных офицеров Генерального штаба армии Австро-Венгерской империи, замечен в пристрастии к содомскому греху. Порок свой сей доблестный офицер скрывал, ибо в случае придания гласности этого прискорбного факта, неминуемо последует суд офицерской чести и позорное увольнение из армии.

– Почему, мы не можем поставить пороки офицера армии

нашего возможного врага, на службу Российской империи? – спросил Пустошкин.

– Можем, и непременно поставим, Константин Павлович, – кивнул Зубатов, – в этом деле я окажу вам посильную помощь.

Мужеложство в Российской империи, как и в большинстве стран в то время было уголовно наказуемым деянием. Согласно «Уложению о наказаниях уголовных исправительных»: уличённых в мужеложстве должны лишать всех прав состояния и подвергать аресту на четыре-пять лет. Православным к тому же полагается религиозное покаяние.

Впрочем, к содомитам в России относились либерально, а дворяне и вовсе никогда не подвергались уголовному преследованию. Николай II относился к содомитам либерально, ещё и потому, что они были в семействе Романовых не редкостью, а среди родовитых сановников было их великое множество.

Состоятельных мужчин испытывающих сексуальный интерес к молодым юношам звали «тётками». В Петербурге они имели своё место для охоты – Невский проспект, от Публичной библиотеки до Пассажа. Прогуливаясь там, они высматривали объект своей будущей «любви»: молоденького мастерового, недавно приехавшего из деревни, или солдатика.

Познакомившись, «тётки» вели свою «пассию» в кондитерскую, угощали пирожными, а затем шли к себе домой. Те,

кто не хотел приглашать домой, вели своих мальчиков в номера Знаменских бань, которые находились на одноимённой площади. В баню можно было прийти и одному, банщик по имени Гаврила, тучный мужик лет сорока, неизменно предлагал клиенту: «своё тело: белое, рыхлое, рассыпчатое». Если клиент пожелает молоденького, Гаврила найдёт и юношу. Для этих целей у него есть альбом с фотографиями, юноши там сняты в различных позах. У всех завлекательные имена: Фрин, Аспадин, Эон, и тому подобное.

Обо всём этом, по долгу службы знал Зубатов, но это было не то. Нужен был не юноша ублажающий «тёток» в бане, а тот, кто способен обаять высокородного австрийского вояку. Таких людей у Зубатова на примете не было, однако он знал того, кто поможет ему. Этого человека, почётный академик императорской академии наук Владимир Соловьёв назвал: «Содома князь и гражданин Гоморры». Правда, чего уж греха таить, сам Владимир Соловьёв был большим любителем содомских утех. Однако наша речь не о нем, а о Владимире Павловиче Мещерском.

В 1891 году, когда Зубатов начал службу в Охранном отделении, его учитель и наставник жандармский ротмистр Бердяев, как-то показал донесения агентов на Мещерского. Тот в своём доме открыл «Литературные среды». В отчётах полицейских агентов ничего не было о литературе, там указывалось, что Мещерский: «употребляет молодых людей, ак-

тёров и юнкеров⁷³, и за это им протезирует. В числе его любовников называют актёров Александровского театра Аполлонова и Коровина-Круковского. Для определения достоинств задниц жертв, у него заведён бильярд».

«Учитесь, Сергей Васильевич, как нужно делать карьеру, – хохотал Бердяев, – для успешного продвижения карьеры, теперь не мозги и усердие по службе важны, а иные места и достоинства».

«Каким местом князь Мещерский обязан взлёту своей карьеры?» – спросил Зубатов.

«Разными местами», – серьёзно ответил Бердяев.

Владимир Мещерский был умён и талантлив. В 1846 году его в восьмилетнем возрасте отдали в Петербургское училище Правоведения. В те времена этим училищем заведовал бывший рижский полицмейстер полковник Языков. По его приказу светских воспитателей в училище заменили отставные военные, и розги там стали основным элементом воспитания. По воскресениям устраивались публичные порки нарушителей режима. На одной из таких экзекуций Володя Мещерский испытал свои первые сексуальные переживания. После окончания училища, Мещерский не имея богатых родителей, службу начал с самых низов. Не довольствуясь маленьким жалованием, Владимир пробует себя на литературном поприще.

В 1861 году он поступает на службу в МВД, которое то-

⁷³ Юнкер – воспитанник, проходящий курс наук в военном училище.

гда возглавлял Пётр Алексеевич Валуев. Его сын Алексей Валуев так же учился в училище Правоведения вместе с Владимиром Мещерским. Молодые люди ещё в училище увлеклись однополый любовью, что для тамошних воспитанников не было редкостью. Многие «птенцы гнезда полковника Языкова» грешили этим, взять хотя бы однокурсника Мещерского, великого русского композитора Петра Ильича Чайковского. Однако в отличие от Владимира Мещерского, Чайковский жестоко страдал от своего порока, что в конечном итоге и привело к его гибели. Владимир Мещерский напротив, своё увлечение грехом не считал, а от того чувствовал себя комфортно, живя в ладу с сами собой.

Именно дружба с младшим Валуевым, замешанная на плотских утехах, помогла на первых порах в карьере Мещерского, а потом пригодились его литературные таланты. Министр Валуев свёл Владимира с графом Строгановым, который был воспитателем наследника престола Николая. Литературные труды и взгляды Мещерского приглянулись графу Строганову, и тот настоял на дружбе Владимира с наследником престола. Правда, злые языки при дворе, шептали, что всему виной нетрадиционная ориентация наследника Николая, вот граф Строганов и подыскал ему благонадёжного Володю Мещерского.

Дружба Никса (так в семье звали Николая) и Владимира Мещерского была крепкой. Николай вскоре должен был обвенчаться с датской принцессой Догмарой. От одной мысли

об этом наследник приходил в ужас, а верный Владимир утешал его. В 1864 году Никс от нервных потрясений, связанных с предстоящей женитьбой, заболел, и поехал лечиться в Европу, Владимир сопровождал его.

В 1865 году Никс умирает. На его похоронах в Царском селе Владимир Мещерский заводит дружбу с его младшим братом Александром, который становится наследником короны. Теперь уже он должен был жениться на датской принцессе Дагмар. Царскую семью ожидают новые тревоги – наследник Александр влюбляется в кузину Владимира Мещерского. Однако тот благополучно разрешает эту проблему, и наследник освобождается от любовных чар. Теперь браку Александра и Дагмар уже ничто не угрожает. Александр III взойдёт на трон, и влияние Владимира Мещерского при дворе возрастёт. Оно несколько уменьшилось при его сыне Николае II, однако и тот, охотно выслушивал советы друга отца.

К Мещерскому, за советом в столь щекотливом деле, и решил обратиться Зубатов. Он отправился его в особняк на Николаевской улице⁷⁴.

– Так, так, – рассмеялся Владимир Павлович, едва Зубатов изложил ему суть дела, – и с этим вы голубчик, пришли ко мне?

Он всплеснул руками и продолжил:

– Ну конечно, как меня только не называют!

⁷⁴ В современном Санкт-Петербурге, это дом 9 по улице Марата. Здесь находится музей-квартира композитора Дмитрия Шостаковича.

– Я к вам Владимир Павлович, пришёл за советом, исключительно как к мудрому человеку, который сможет помочь в столь важном и щекотливом деле, – смешался Зубатов.

– Это я как раз хорошо понимаю, – махнул рукой князь Мещерский, – все вы не прочь за спиной, воткнуть мне шпильку в одно место. Но как только вам требуется помощь или совет, то напрямик бежите ко мне.

Мещерский улыбнувшись, посмотрел на Зубатова и продолжил:

– Да я к вам батенька Сергей Васильевич, не в претензии. Так общие рассуждения. Люди уж так устроены, что не прочь сунуть нос в чужое грязное бельё и покопаться в нём. А потом соорудить недовольную мину и осуждать меня. Но как только требуется помощь, то спешат ко мне. Вот и Сергей Юльевич Витте, всюду на людях порицает мой образ жизни, норовит стороной обойти, а намедни, сам пожаловал ко мне, с просьбой, что бы я довёл до государя одну мыслишку.

– Сергей Юльевич бывает у вас? – подумал о чём-то своём Зубатов.

– Ну а как же, одаривает своим посещением.

– А не могли бы вы Владимир Павлович, так сказать конфиденциально, устроить мне встречу с ним?

– Почему же нет?! – развёл руками Мещерский. Он посмотрел на Зубатова и добавил: – Только две недели Витте в отъезде будет.

– Я имею в виду, когда появиться такая возможность, –

уточнил Зубатов.

– Обязательно организую вам встречу Сергей Васильевич, – кивнул князь Мещерский. Он подошёл к бюро и продолжил: – Что касается вашей первоначальной просьбы. Рекомендую вам театрального художника Илью Семёновича Оффенбаха. Разносторонне одарённый и привлекательный молодой человек. Говорит на четырёх европейских языках. Он тот, кто вам нужен. Я чиркну вам записку для него, и он поможет вам.

Спустя десять дней, Пустошкин и Илья Оффенбах выехали в Вену. Своё обещание устроить встречу Витте и Зубатова, князь Мещерский также выполнил.

Первоначальной целью Зубатова было убедить Витте как министра финансов, что создание рабочих организаций, затея полезная для государства. Дело в том что, что не раз инспекторы фабричных комиссий, жаловались министру финансов Витте, который был их непосредственным начальником, что члены рабочих организаций организованных Зубатовым, выступают с требованиями о повышении зарплаты. Естественно фабриканты были недовольны таким выступлением рабочих.

Витте совершенно не интересовало имущественное положение рабочих, и он был сторонником жестокого подавления всяких беспорядков, будь то стачки или демонстрации. Однако он со вниманием выслушал Зубатова, и обещал подумать над его предложениями. Всё это Сергей Юльевич де-

лал потому, что решил использовать Зубатова в своей комбинации.

Дело в том, что Витте понимал, как губительна для России война с Японией. Однако царь в отличие от министра финансов, этой войны не боялся, ибо на свою беду не обладал государственным умом. Николая II подталкивало к войне с Японией его ближайшее окружение. Лидерами военной партии были великий князь Сергей Александрович и министр внутренних дел Плеве.

Великий князь Сергей Александрович в войне с Японией преследовал вполне корыстный интерес, он рассчитывал вложиться в концессию Безобразова по захвату Кореи, государственными деньгами, а Япония крайне негативно относилась к русской экспансии в эту страну. Плеве ратовал за войну с Японией из «бескорыстных побуждений». Он искренне считал, что маленькая победоносная война для России будет полезна, и постоянно внушал эту мысль Николаю II. После таких разговоров, император уже не воспринимал доводы военного министра Куропаткина, о том, что на Дальнем Востоке Россия пока не готова к войне с Японией.

«Плеве всему виной!» – решил Витте. Следовательно, его нужно отдалить от государя, а сделать это можно единственным способом, убрав с поста министра МВД. Вот по этой причине Витте и пошёл на встречу с Зубатовым.

Зубатов и Витте обо всём договорились. К тому же их задача облегчалась тем, что многим становилось ясно: Плеве

не справляется со своими обязанностями в должности министра МВД. Это замечал даже князь Мещерский. При всём своём эпатаже, он был великого ума человек и Россию любил.

Николай II как всякий недалёкий человек, был подвержен чужому влиянию. Но иногда, он, осознавая это, упрямо стоял на своём, не воспринимая никаких, пусть даже и весомых доводов.

Витте предложил Зубатову сместить Плеве, на том основании, что это плохой министр. Впрочем, это Зубатову было и самому ясно. План Витте был таков: к Зубатову якобы при перлюстрации попало письмо «простого подданного», в котором он нелестно отзывается о Плеве как о министре МВД. Мещерский показывает это письмо Николаю II как «глас народа», и убеждает императора, удалить Плеве с поста министра МВД.

Убрав Плеве, каждый достигает своих целей: Зубатов получает возможность спокойно работать, и Витте поддерживает его во всех его начинаниях. В свою очередь, если не будет Плеве, министр финансов легко докажет императору, что великий князь Сергей Александрович печётся о своих шкурных интересах, толкая Россию к войне с Японией.

Эта судьбоносная встреча Витте и Зубатова произошла в кабинете князя Мещерского третьего июля. Весь следующий день, Зубатов был занят тем, что составлял то самое письмо «безвестного господина». В четыре часа его посетил Михаил

Гурович, заведующий Румынской и Галицинской агентурой Особого отдела полиции. В своё время Зубатов через Гуровича познакомился с Пустошкиным. Сергей Васильевич симпатизировал Гуровичу, потому и не скрыл от того про заговор, составленный им и Витте против министра Плеве.

Гуровичу надоело прозябание в Румынии, и он уловил для себя блестящую перспективу. Из кабинета Зубатова, он напрямик пошёл к Плеве. Там в присутствии товарища министра генерала фон Вааля, он рассказал о заговоре Зубатова и Витте против министра МВД Плеве.

На следующий день неожиданно для всех Зубатов был уволен со своей должности, и выслан под административный надзор полиции во Владимир. Плеве в «соответствующем оформлении» поведал Николаю II о кознях, замышляемых против него Витте. Император панически боялся заговоров со стороны влиятельных сановников, потому Витте был тотчас же снят с поста министров финансов, и назначен Председателем Комитета министров. Должность эта была декоративной, поскольку все министры подчинялись напрямую императору и отчитывались перед ним, в то время как сам Председатель Комитета доступа к царю не имел.

Вот так, из-за глупой промашки опытного конспиратора Зубатова, в окружении Николая II не осталось ни одного влиятельного сановника, выступавшего против обострения отношений с Японией, что немедленно сказалось на последующих событиях

Десятого июля Николай II выслушал доклад министра иностранных дел Ламсдорфа, что японцы недовольны, задержкой вывода русских войск из Маньчжурии. О выводе русских войск из Маньчжурии была договорённость с Японией. Ламсдорф был также против войны с Японией, но перед аудиенцией с императором, Плеве намекнул ему что «князь Содома и гражданин Гоморры» Мещерский, как ни странно, также против войны с Японией. Ламсдорф тоже грешил содомскими играми, но старался держать свои страстишки втайне. Однако, «шила в мешке» не утаишь. Намёки Плеве о Мещерском, крайне расстроили министра иностранных дел, потому он вяло сопротивлялся решимости царя обострить ситуацию с Японией:

– Ваше величество, может, будет разумно уступить Японии не «теряя лица», и тем самым избежать войны?

– Подумаем, подумаем, – ответил государь, хотя для себя Николай II уже всё решил: никаких уступок Японии делать Россия не будет.

Пока Ламсдорф в Зимнем дворце делал доклад Николаю II, на перроне Николаевского⁷⁵ вокзала стоял Зубатов. Никто из бывших сослуживцев не пришёл провожать его. После разразившегося скандала, все предпочитали держаться от него подальше. Зубатов решил пожить пару недель в Москве, а потом ехать к месту ссылки. Сергей Васильевич горько усмехнулся, подумав: «Друзья познаются в беде».

⁷⁵ Николаевский вокзал – ныне Московский вокзал в Санкт-Петербурге.

Он хотел идти в вагон и выпить в купе водки, благо бутылку он предусмотрительно захватил с собой, но тут увидел знакомую фигуру в сутане, идущую по перрону. Это был отец Георгий Гапон, тот с кем они всегда ругались, споря до хрипоты. Он единственный пришёл проводить Зубатова.

– Успел всё-таки, – улыбнулся Гапон, – Сергей Васильевич, я пришёл благословить вас в дорогу.

– Спасибо отец Георгий, – поблагодарил Зубатов, сняв шляпу, – однако благодать божья более понадобится вам, чем мне. Я ухожу в сторону, а вы остаётесь один на один с безмозглым зверьём. Сохрани вас Господь от гибели отец Георгий.

– Гибели во имя людей не страшусь, – ответил Гапон.

– Эх, отец святой! – воскликнул Зубатов. Он оглядел перрон, снуют туда-сюда пассажиры, носильщики толкают тележки, обычная вокзальная суета. Зубатов махнул рукой и продолжил: – Обидно, что тем, кому полагается различать в перспективе опасности для государства, её даже вблизи не видят, – он указал рукой на перрон и продолжил: – не может один человек самодержавно управлять такой огромной страной, даже для великого государственного гения, это непосильная задача. А если Господь совсем не наделил умом человека сидящего на царском троне! Что тогда, пропадай Россия?!

– Да вы Сергей Васильевич никак социалистом стали? – рассмеялся Гапон.

– В Брюсселе социал-демократы собираются провести свой съезд, – резко сменил тему Зубатов. Он посмотрел на Гапона: – Что там будут решать? Какова будет программа их действий? Однако ни министр Плеве, ни директор Департамента полиции Лопухин, не придают этому никакого значения.

– Озаботятся, когда петух, жаренный, в задницу клюнет, – пообещал Гапон.

Глава 6

*«На краю Руси обширной,
Вдоль уральских берегов,
Поживает тихо, мирно,
Войско кровных казаков,
Знают все икру Урала,
И уральских осетров,
Только знают очень мало,
Про уральских казаков».*
Гимн Уральского казачьего войска.

Август 1903 года.

В VIII веке нашей эры в Хазарском каганате прошло разделение на «белых хазар» – это хазарские вожди, которые под влиянием своих жён-иудеек, приняли их веру, и «чёрных хазар» – бедноту, оставшуюся язычниками.

«Белые хазары» жили в городах, занимались торговлей и ростовщицеством, а «чёрные хазары» селились в поймах рек Волги и Дона. Занимались они земледелием, рыболовством, разводили лошадей и прочий скот. Луга в поймах рек богатые, и табуны у чёрных хазар были большие.

Севернее, находился Русский каганат, данник Хазарии. Свою дань, русы, выплачивали рабами. Молодые девушки шли в гаремы эмиров Магриба, Хорасана и Мавераннахра, а славянские юноши отправлялись в Египет, и становились там воинами-рабами, то есть мамлюками.

По пути из Руси в Азию многие юноши и девушки бежали. В Хазарии «чёрные хазары», которые и сами страдали от «белых хазар», становясь рабами за неуплату налогов, привечали беглых пленников. Руссы селились обособленно. Место хватало всем, и хазарам и руссам. В устьях Дона и Волги было полно камышей, множество излучин и протоков, где можно укрыться от преследователей. Течение в речных протоках быстрое, заросли тростника густые, в их лабиринтах легко заплутаться. Здесь всегда можно укрыться от конницы

врага.

За два века Русь окрепла, и в X веке, во времена правления княгини Ольги, руссы стали тяготиться властью «белых хазар». Ольга послала своего сына Святослава завоевать Хазарию. Тот легко разбил хазарское войско, состоящее из наёмников различных племён.

Потомки беглых рабов-русов перемешались с «чёрными хазарами». Русские стали звать их «бродниками», потому, как жили они в поймах рек. Из Руси к ним прибывали беглые смерды, князья, лишённые престола, бояре, которые чем-то провинились перед своим князьями.

Беглые князья набирали здесь дружинников, что бы с их помощью захватить власть в своих родовых княжествах. Со временем сюда пришло православие, и бродники приняли его. Многих «чёрных хазар» привлекло мусульманство, однако все жили в мире и согласии.

В 1220 году сюда пришли монголы под водительством Джебе-нойона⁷⁶ и Субедэй-багатура⁷⁷. Они по приказу Чингисхана вели погоню за султаном Хорезма Ала-ад-Дином, и дошли до низовий Волги и Дона. Бродники стали данниками монголов, и выделяли воинов в их войско. Вместе с черкесами, бродники вошли в отдельный тумен.⁷⁸ Монголы так

⁷⁶ Нойон – по-монгольски князь.

⁷⁷ Богатур – богатырь, у монголов это понятие означало «воинский начальник».

⁷⁸ Тумен – переводится с монгольского «тысяча». Войсковая единица в войске монголов.

поступали со всеми покорёнными народами, требовали дани для прокорма своего войска и воинов. Взамен монголы обеспечивали всем племенам спокойное проживание на своих землях, и защиту от врагов. В монгольском войске все были равны, и сами монголы не пользовались никакими привилегиями по отношению к инородцам, всё решала воинская доблесть.

В 1223 году монголы пошли войной на половцев из-за их набегов на свой улус⁷⁹. Половцы попросили защиты у русских князей. Русско-половецкое войско встретилось с монголами на реке Калка. У монголов не было перевеса в численности, но их войско было более организовано и стойко по сравнению с разрозненными русско-половецкими дружинами. В самый решительный момент битвы половцы и некоторые русские побежали. Русские князья приказали рубить струги⁸⁰, что бы бежавшие следом ратники не успели сесть на них. Князья рассчитывали спастись, пока монголы на берегу Калки будут рубить их воинов. Однако оторваться от монгольской погони никто не смог, монголы всех перебили.

Половцам пощады не было за грабежи, а русских воинов, убивали за то, что до этого в русском городе Козельске, были убиты монгольские послы. В Европе и Азии убийство по-

⁷⁹ Улус – монгольский и тюркский социальный термин со сложной семантикой, служащий для обозначения понятия «народ, государство». В средние века понятие «улус» приравнивалось к слову «орда» т.е. «военная дружина». Отсюда производное: «государство, страна». По-монгольски это звучит: Улс.

⁸⁰ Струга – лодка.

слов считалось делом обыденным, но у монголов убийство доверившегося тебе гостя – кощунство, за которое каралось смертью всё племя.

Киевский князь Мстислав Романович со своей дружиной вовсе не принял участия в битве. Он укрепил свой лагерь на горе и оттуда наблюдал, как монголы рубят половцев и русских. Когда войска половцев и русских побежали, Субедэй-богатур приказал организовать погоню за ними, а двум туменям под водительством Таши и Тсугуре, велел организовать осаду лагеря Мстислава Романовича.

Три дня монголы ничего не могли поделывать с русскими. На четвёртый день вернулся Субедэй с остальным войском. На гору поднялся бродник Плоскина и передал предложение Субедэя: «Если русы сложат своё оружие, то ни капли русской крови не прольётся».

Когда князь Мстислав Романович с дружиной сдался, монголы сдержали своё слово. Они связали русских, положили на них доски, и всё монгольское войско уселось пировать победу. Под досками князь и его дружина задохнулись, но ни капли русской крови на землю пролито не было.

Людей живших в низовьях Волги и Дона, бродниками звали, русы. Хазары звали их казаки, что на тюркском наречии обозначает «племя без князей». Не было у потомков беглых рабов родовитой знати.

Государство монголов после смерти Чингисхана распалось на Белую, Синюю, Серую и Золотую Орду. Казаки про-

должали служить в войске Золотой Орды. В XIV веке Золотая Орда стала слабеть. Окончательный развал произошёл в 1395 году, когда её последний хан Тахтомыш, проиграл войну могущественному эмиру Самарканда Тимуру. Тогда один из казачьих атаманов по имени Василий Гугня, ушёл с частью казаков с Дона на реку Яик.

Река эта несёт свои воды возле Уральских гор. В то время жён себе казаки умыкали в становищах ногайцев. Отправляясь в походы, казаки убивали жён и детишек, что бы не оставлять их на поругание врагу.

Взяв у ногайцев девушку, сильно полюбил её Василий Гугня, не захотел он по обычаю казаков убивать её. Собираясь в поход, повелел он рубить укрепление вокруг станицы, и оставил часть казаков охранять жён и детишек, пока остальные будут в походе. Атаман Гугня пообещал оставшимся казакам выделить добычу равную доле каждого казака участвующего в набеге. С тех пор у яицких казаков появились семьи. Жену Василия Гугни прозвали матерью Гугнихой, считалась она у яицких казаков покровительницей всех влюблённых. Молодые казаки и казачки ставили ей в церкви свечи.

В свободное от военных походов время, яицкие казаки занимались своим исконным делом: рыболовством и коневодством, так же как их предки – бродники.

Во времена Смуты бежала из Москвы к яицким казакам жена самозванца Гришки Отрепьева – Марина Мнишек. С ней был князь Заруцкий, её последний муж. Яицкие каза-

ки выдали их московским стрельцам. В Москве Заруцкого посадили на кол, трёхлетнего сына Марии повесили, а саму её заточили в темницу, где она: « умерла с тоски по воле». Впрочем, говорят, Марию Мнишек утопили.

С тех пор среди яицких казаков бытует легенда, что много золота с собой Марина Мнишек привезла из Москвы, а перед арестом, утопила его в Яике. Даже песню об этом сложили:

«Ты, Яикушка, – золотое дно,
На твоём, на дне, у крута яра,
Лежит, лодочка затоплена,
С золотой казной, со Маринкиной,
В Москве каменной, ей награбленной».

Искали то золото казаки, да так и не нашли.

Со временем яицких казаков стали использовать для защиты южных рубежей Русского царства от набегов кокандцев, бухарцев и хивинцев. Царь Михаил Фёдорович Романов⁸¹ пожаловал яицким казакам грамоту на владение рекой Яик от вершины до устья.

Беглые холопы бежали от крепостного права не только на Дон, но и на Яик. Знаменитое: «С Дону выдачи нет», действовало так же и на Яике. В 1718 году чтобы пресечь укрытельство казаками беглых крепостных из России, царское правительство решает назначать атамана яицких казаков. На

⁸¹ Михаил Фёдорович Романов – (1595-1646). Первый царь из рода Романовых. Начал править на Руси с 1613 года, после окончания Смуты и изгнания поляков из Москвы.

Яике начались волнения, которые царские войска подавили в 1722 году. После этого пятьдесят лет здесь было тихо. Шло сильное засилье атаманов и старшин. Казаки недовольные мздоимством своих атаманов и старшин, отправили челобитную царю с жалобой. Разбираться приехали генерал-майор Траубенберг и гвардейский капитан Дурново. Подкупленные атаманом и старшинами, посланцы из Петербурга приказали пороть самих же жалобщиков. Казаки к такому обращению в отличие от крепостных не привыкли, они изрубили саблями Траубенберга и Дурново.

Только волнения казаков подавили, как в 1723 году здесь объявился донской казак Емельян Пугачёв, дезертировавший с семилетней войны с Пруссией. Сами яицкие казаки говорят, что они не поддерживали смутьяна Емельку Пугачёва, и в доказательство, приводят историю, о том, как Пугачёв, тогда ещё с малым войском шёл на городок Илецк, а атаман Лазарь Портнов решил разбить Пугачёва. Для этого он приказал подпилить опоры моста через Яик, а когда войско Пугачёва будет в смятении от падения с моста, напасть на него.

Но кто-то предупредил Пугачёва, и он с войском, не доходя до моста, повернул налево у Мурановской станицы, и перешёл Яик бродом. Илецк Пугачёв занял без боя, а Лазаря Портнова приказал повесить. В войске Пугачёва было много казаков из других станиц, но именно за илецкими казаками закрепилась слава бунтарей.

Когда восстание Пугачёва было разгромлено, императрица Екатерина II, что бы предать забвению то страшное время приказала переименовать реку Яик в Урал. Яицкие казаки отныне стали именоваться уральскими. От других казаков, уральцы отличались двумя вещами: во-первых, начинали служить не с двадцати лет, а с девятнадцати, и, следовательно, несли воинскую повинность не двадцать, а двадцать один год. Вторым отличием было то, что уральцы единственные из казаков носили бороды на службе. Всем остальным это было запрещено.

В остальном, они ничем не отличались от своих собратьев проживавших на просторах Российской империи. Как донские казаки любили свой Дон, так любят свою реку уральские казаки, ласково именующие её «Яик – золотое донышко». Да и как не любить эту реку! Именно она со своими многочисленными протоками даёт благосостояние казакам: наделяя рыбой, питает пойменные луга, где пасутся вольнолюбивые и сильные казачьи кони. Вокруг реки леса с зарослями ежевики, ягода, эта издревле зовётся «казачьим виноградом».

Около одной протоки реки Урал, которая зовётся Чаган, расположена станица Чаганская. Ох и красивые здесь места! Зеленеют сочные луга в поймах Чагана и Урала, а дальше за горизонт, где небо смыкается с землёй, уходит степь.

Подъезжая к станице Чаганской, среди густой заросли деревьев, первым делом разглядишь белую, каменную церковь,

и только приблизившись к станице, в порослях кустарника увидишь глухие заборы казачьих усадеб.

Казачий дом, как правило, находится в центре усадьбы, огороженный со всех сторон высоким забором. Если же по какой-то причине дом с краю, то на улицу он выходит глухой стеной, без окон. Двор у казака большой, ведь кроме хозяйственных построек и летней кухни, где в тёплое время собирается огромная казацкая семья, должен быть загон для овец. Овечьи стада или как их звали казаки «кура», насчитывали до пятисот голов.

Овец уральские казаки держали по-особому: только зимой их загоняли в камышовые загородки и то без крыши. Зимой кура сбивается так плотно друг к другу, что между овцами ступить на землю нельзя. Шкура у овец густая, в плотной стае им так тепло, что мороз и дождь со снегом им нипочём. Зимой овец кормили со снега и никогда не давали пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.